

Т. Э. Караев

ПОВТОРНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

86

1079189

Москва

«Юридическая литература»

1983

3'

Рецензенты:

профессор Г. З. АНАШКИН, профессор
П. Ф. ТЕЛЬНОВ

К $\frac{1203100000-049}{012(01)-83}$ КБ25-6-82

Введение

Непременным и важным условием успешного выполнения задач коммунистического строительства в экономической, политической и идеологической сферах жизни является точное и неукоснительное соблюдение законов и иных правовых актов Советского государства всеми органами, общественными организациями, должностными лицами и гражданами. «В обобщенной, концентрированной форме советские законы выражают волю народа, основные направления политики партии и государства, обеспечивают движение общества по заданному курсу»¹. Поэтому КПСС и Советское государство придают огромное значение дальнейшему укреплению социалистической законности и правопорядка.

Успешная реализация требований Коммунистической партии и нашего государства о дальнейшем укреплении социалистической законности и усилении борьбы с правонарушениями во многом зависит от качества работы правоохранительных органов. «В укреплении социалистической законности и правопорядка,— говорилось на XXVI съезде КПСС,— высока ответственность органов юстиции, суда, прокуратуры, советской милиции... Советский народ вправе требовать, чтобы их работа была максимально эффективной, чтобы каждое преступление должным образом раскрывалось и виновные несли заслуженное наказание»².

Одним из условий высокого качества работы милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции является правильное понимание сущности советских законов, глубокое знание особенностей их применения. ЦК КПСС в постановлении «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями»³, определив конкретные меры по совершенствованию деятельности этих органов, указал, в частности, на необходимость обеспечения единообразия в применении ими норм

советского законодательства. Претворение в жизнь этих требований предполагает объединение усилий ученых и работников правоохранительных органов. В этой связи серьезного внимания заслуживает теоретическое освещение вопросов квалификации преступлений, совершенных повторно.

Практическая и теоретическая значимость рассмотрения указанного круга вопросов определяется прежде всего относительной распространенностью таких преступлений, требующей усиления борьбы с ними; известными затруднениями, испытываемыми правоохранительными органами при квалификации повторных преступлений; не всегда единообразной квалификацией их при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел.

В настоящей работе на базе действующих уголовно-правовых норм, общих теоретических положений уголовного права и изучения судебной и прокурорской практики предпринята попытка рассмотреть значение повторности преступлений как отягчающего обстоятельства, определить правила ее квалификации, высказать рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование соответствующего уголовного законодательства и правоприменительной практики. Не претендуя на исчерпывающее освещение проблемы уголовной ответственности за повторность преступлений, автор стремился рассмотреть вопросы, не нашедшие более или менее обстоятельного освещения в юридической литературе, и вопросы, решение которых вызывает трудности при квалификации повторных преступлений в деятельности органов суда, прокуратуры и следствия.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПОВТОРНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Единичное (единое, отдельное) преступление как структурный элемент повторности преступлений

Реализация задачи правильной квалификации повторных преступлений, представляющей собой процесс «установления и юридического закрепления точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой»⁴, предполагает как необходимое условие уяснение самого понятия повторности преступлений, ее обязательных признаков, места в структуре множественности преступлений; разграничение от смежных понятий, от единичного преступления, особенно в ситуациях, когда последнее характеризуется рядом актов общественно опасного поведения.

Теоретический и практический интерес к единичному преступлению, как к проблеме, неразрывно связанной с повторностью уголовно наказуемых деяний, обусловлен и тем, что повторность, говоря в самой общей форме, в качестве своих конструктивных составных частей, элементов охватывает несколько единичных преступлений. Последние являются необходимыми структурными элементами повторности преступных деяний. Сказанное вытекает из положения о том, что повторность в интересующем нас смысле как определенное социально-правовое явление может быть охарактеризована с точки зрения ее структурных компонентов. Именно из количественно-качественных комбинаций и связей единичных преступлений образуется явление, охватываемое понятием множественности преступлений, включающее в свою орбиту и повторность уголовно наказуемых поступков.

Особенности указанной конструкции образуют различные уровни структуры множественности. Единичное преступление в качестве элемента повторности является компонентом и совокупности, а также рецидива преступных деяний. Следует заметить, что и само единичное

преступление, состоящее из структурных частей, которые можно обнаружить при анализе его содержания, может быть рассмотрено как и повторность в пределах различных систем и специфичных для них связей. Сказанное обусловлено общетеоретическими и методологическими принципами системного исследования⁵. Интерес к единичному преступлению определяется, в частности, различными аспектами проблем криминологии, исправительно-трудового и уголовного права.

В рамках нашего исследования рассмотрение понятия и видов единичного преступления тем более важно, что по вопросам, касающимся некоторых групп единичных преступлений, образуемых несколькими относительно самостоятельными актами поведения, в теории и практике нет единства мнений, а это в свою очередь не может не сказаться отрицательно на правильности применения закона. Кроме того, если в юридической литературе трактовка повторности как наличия в действии (бездействии) субъекта двух и более составов преступлений не вызывает в принципе возражений, то само понимание состава единого преступления интерпретируется неоднозначно, что не всегда позволяет верно решить вопрос о квалификации повторности преступлений.

Задачи нашего исследования ограничиваются рассмотрением единичного преступления лишь в связи с проблемой повторности и вопросами ее квалификации, что и определяет границы и аспект теоретического рассмотрения единичного преступления.

Общепринятым в теории советского уголовного права является мнение, согласно которому под единичным преступлением понимается общественно опасное деяние, подпадающее под действие одной уголовно-правовой нормы, т. е. содержащее признаки одного состава преступления. Единичное преступление нередко может быть элементарным, т. е. выражающимся в одном преступном акте поведения, например самовольная без надобности остановка поезда стоп-краном (ст. 213¹ УК РСФСР, ст. 212-1 УК Азербайджанской ССР)⁶. В таких случаях в практике судебных и прокурорских органов каких-либо трудностей для отнесения деяния к единичному преступлению, как правило, не возникает. Однако чаще преступное деяние, образующее единичное преступление, носит более сложный характер, поскольку оно складывается из ряда актов, например, при продолжаемом пре-

ступлении, преступной деятельности или совершении преступлений со сложным составом, в частности при спекуляции (ст. 154 УК РСФСР, ст. 153 УК Азербайджанской ССР), которая характеризуется двумя актами: скупкой и перепродажей товаров.

В подобных случаях на практике нередко возникают вопросы об отграничении единичного преступления от множественности преступлений, включающей в себя несколько самостоятельных преступлений, квалифицируемых нередко по двум и более нормам уголовного законодательства. Сказанное и определяет необходимость рассмотрения такого рода единичных деяний при исследовании проблемы понятия и квалификации повторных преступлений. Как верно подчеркивает румынский криминалист Иосиф Фодор, «проблема единого преступления возникает не в связи с так называемым естественным единством, т. е. с таким преступлением, которое отличается простым действием, а тогда, когда речь идет о преступлениях, сложный состав которых реализуется посредством нескольких действий или бездействия, каждое из которых является отдельным преступлением, но которые в совокупности признаются уголовным законом как одно единичное преступление». Установление в этих случаях, справедливо пишет он, точной характеристики преступления означает тем самым четкое разграничение единого преступления от множественности преступлений⁷.

Характеризовать единое, но образуемое несколькими актами преступление можно с двух аспектов: общего социального и специального правового (с точки зрения его юридической формы). При этом важно подчеркнуть неразрывную связь указанных точек зрения и определяющую роль социальных свойств деяния. Именно они являются объективной основой законодательного формулирования уголовно-правовой нормы, конструкции состава преступления. Учитывая типичные устойчивые внутренние связи, характерные черты и свойства общественно опасного поведения, проявляющиеся в реальной действительности, закон определяет деяние как конкретный вид преступления.

Социальный аспект единичного преступления удачно охарактеризован В. Н. Кудрявцевым как сочетание таких противоправных действий, которые в реальной действительности зачастую совершаются вместе, обычно

имеют ряд общих объективных и субъективных признаков, находятся между собой в тесной взаимосвязи и по своей антиобщественной сущности характерны для поведения определенной категории преступников⁸. Поэтому представляется правильным сформулированное в литературе определение понятия единичного преступления как таких общественно опасных действий, которые, будучи внутренне связаны между собой мотивами и целями поведения субъектов, сравнительно часто именно в таком сочетании встречаются в реальной действительности и в силу этой типичной объективной и субъективной их взаимосвязи выделяются законом в состав преступления⁹.

Помогает точному разграничению множественности преступлений от единичных принятая в нашей литературе классификация последних. Единичные преступные деяния подразделяются на преступления с простыми и сложными составами.

К преступлениям с простыми составами относятся деликты, характеризующиеся совершением одного действия, независимо от того, повлекло оно одно или несколько последствий. Например, умышленное убийство двух или нескольких лиц, подпадающее под действие п. «з», ст. 102 УК РСФСР (п. 4 ст. 94 УК Азербайджанской ССР).

К преступлениям со сложными составами относятся сложные деяния, состоящие из двух или нескольких преступных актов, предусмотренных одним составом преступления: сложные (составные) преступления, продолжаемые преступления, длящиеся преступления. Полагаем, что к последней группе следует отнести единичные преступления, характеризующиеся определенной деятельностью.

В советской юридической литературе более или менее четко обозначились два подхода к рассмотрению вопроса о сложном преступлении. Сторонники первого из них считают, что состав сложного преступления поглощает составы других деяний, которые в связи с этим теряют самостоятельное значение¹⁰. Второй подход состоит в разрешении проблемы на основе конкуренции уголовно-правовых норм¹¹. Но при таком рассмотрении, как это верно отмечено В. П. Малковым, конкуренция фактически сводится к тому, что норма, содержащая признаки сложного преступления, поглощает норму, устанавливающую состав деяния, являющегося вообще самостоятельным, но в данном случае охватываемом объ-

емом сложного преступления¹². Сам В. П. Малков, как это можно заключить из содержания его монографии «Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания)», является сторонником концепции поглощения составов. Развивая эту концепцию, он исходит из высказанных А. Н. Трайниным положений о двух разновидностях поглощения: правовом и фактическом. Как считал А. Н. Трайнин, под правовым «поглощением» понимается такая конструкция нормы Особенной части уголовного законодательства, которая включает в себя признаки уже предусмотренных законом составов преступлений, под фактическим — поглощение более тяжким преступлением менее тяжкого преступления. Например, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения включает в себя действия, выражающиеся в умышленном причинении менее тяжких и легких телесных повреждений¹³. Следует заметить, что В. П. Малков обоснованно относит к рассматриваемым ситуациям поглощение преступных действий, составляющих содержание более ранней стадии преступной деятельности, преступными действиями более поздней стадии либо оконченным преступлением, а также поглощение преступных действий, могущих причинить вред охраняемым законом объектам деяниями, фактически причиняющими такого рода вред.

На основании всего изложенного можно сделать вывод, что сложным (составным) будет единое (единичное, отдельное) преступление, поглощающее ранние стадии преступной деятельности или самостоятельные преступления, являющиеся способами совершения данного преступления, а также преступление, состав которого согласно закону объединяет два или более различных преступлений, посягающих на разные объекты и приводящих к различным последствиям, но объединенных внутренним единством.

Единым следует считать, помимо сложных (составных) преступлений, также продолжаемые, длящиеся преступления и преступную деятельность. Основанием отнесения продолжаемых и длящихся преступлений к единому преступлению являются объективные и субъективные свойства преступного деяния. Известно, что преступление может быть совершено как одноактным поступком, так и серией поступков, следующих один за другим. Для некоторых видов преступлений, например

для доведения до самоубийства, незаконного хранения огнестрельного оружия, частнопредпринимательской деятельности и др., протяженность во времени является характерной.

Продолжаемые и длящиеся преступления представляют собой формы преступных деяний, которые совершаются в течение более или менее длительного времени.

Под продолжаемым преступлением, по нашему мнению, следует понимать совершение тождественных или однородных поступков, каждый из которых, взятый в отдельности, может представлять собой как преступный акт, так и правонарушение, не являющееся преступлением, объединенные единой формой вины, охватывающей своим содержанием все эпизоды, образующие в своей совокупности единое преступление. В теории уголовного права и на практике распространено несколько иное понимание продолжаемого преступления, основанное, на наш взгляд, на неточном определении его в постановлении 23-го Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. (с изменениями, внесенными постановлением № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 14 марта 1963 г.) «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям»*.

Длящееся преступление, как было отмечено в названном постановлении, в отличие от продолжаемого характеризуется тем, что оно выражается в непрерывном осуществлении в течение длительного времени состава определенного преступного деяния. В упомянутом постановлении говорится, что «длящееся преступление можно определить как действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования»¹⁴. Начальным моментом длящегося преступления является совершение действия или бездействия, образующего само по себе оконченное преступление. Длящееся преступление прекращается в силу наступления событий, препятствующих дальнейшему совершению преступления, в том числе пресечения его ор-

* См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2. М., 1978, с. 82—84. Более подробно эти вопросы рассматриваются в § 3 главы второй настоящей работы, посвященной разграничению повторных и продолжаемых преступлений в процессе расследования и судебного рассмотрения дел о повторных преступлениях.

ганами государства; добровольного прекращения субъектом преступного действия или бездействия; отпадания обязанностей, невыполнение которых ранее считалось уголовно-противоправным.

Мы разделяем высказанное в литературе мнение¹⁵ о том, что длящимся может быть не только преступное действие, но и бездействие. При бездействии такое поведение виновного продолжается несмотря на то, что налицо уже все признаки его оконченного состава. Моментом полного выполнения состава длящегося бездействия является истечение предусмотренных законом сроков, установленных для выполнения лицом своих обязанностей (ст.ст. 80, 81, 82, 198¹, 245, 246, 247 УК РСФСР, ст.ст. 73, 74, 75, 196, 241, 242, 243 УК Азербайджанской ССР). Моментом прекращения длящегося бездействия будет, также как и при длящихся действиях, наступление указанных выше событий, исключающих дальнейшее его осуществление.

Одной из разновидностей единичных преступлений является преступная деятельность. Ряд статей Особенной части уголовного законодательства содержат прямое указание об этом: частнопредпринимательская деятельность (ч. 1 ст. 153 УК РСФСР, ч. 1 ст. 152 УК Азербайджанской ССР), организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений (ст. 72 УК РСФСР, ст. 65 УК Азербайджанской ССР) и др.

Под преступной деятельностью следует понимать постоянное осуществление однотипного общественно опасного поведения, складывающегося, как правило, из неодинаковых действий (хотя не исключającego и ряд тождественных действий). Например, организация вооруженной банды — деяние, «растянутое» во времени и могущее состоять из неодинаковых актов: вербовки членов банды, приобретения оружия, обеспечения транспортными средствами, распределения ролей между участниками и т. д. Преступная деятельность характеризуется также тем, что все поведение, включая и отдельные поступки, объединено общей целью. Это поведение полностью охватывается содержанием той или иной нормы Особенной части уголовного законодательства, устанавливающей признаки одного состава преступления. Поэтому преступную деятельность следует рассматривать как своеобразный вид единого преступления. Как видим,

преступная деятельность, представляя собой определенную форму общественно опасного поведения лица, не может быть отнесена ни к одной из перечисленных выше разновидностей единичного преступления, хотя и обладает некоторыми чертами продолжаемого преступления.

Она не может быть отнесена и к множественности преступлений, как это считает А. Ф. Зелинский. Справедливо полагая целесообразным отнести преступную деятельность к самостоятельному уголовно-правовому понятию, А. Ф. Зелинский вместе с тем безосновательно, на наш взгляд, расценивает ее как разновидность множественности преступлений. Свою точку зрения он обосновывает тем, что в уголовном законодательстве термин «преступная деятельность» не упоминается (за исключением отдельных статей УК), хотя она подразумевается как альтернатива во всех статьях Особенной части, описывающих признаки единичного поступка. Исключение составляют те составы преступлений, которые дублируются нормами с квалифицирующими признаками повторности, неоднократности, систематичности, в виде промысла. Если, например, ч. 1 ст. 144 УК РСФСР определяет признаки кражи, а в ч. 2 той же статьи среди квалифицирующих признаков называется повторность, то очевидно, что ч. 1 ст. 144 УК РСФСР говорит только о поступке и неприменима к множеству поступков¹⁶.

Приведенная аргументация неубедительна. В самом деле, множественность преступлений охватывает несколько самостоятельных составов преступлений. Другими словами, каждое из входящих в множественность преступлений деяние предусмотрено законом как определенный конкретный вид преступления. Что же касается преступной деятельности, то, хотя она и образуется рядом действий, каждое из них далеко не всегда обладает признаками самостоятельного преступления, а поэтому не может быть квалифицировано по той или иной статье (или части ее) Уголовного кодекса. Так, нет оснований квалифицировать случаи преступной деятельности по тем нормам, в которых указана повторность в качестве квалифицирующего признака. Например, незаконное изготовление наркотических веществ представляет собой определенную деятельность, однако едва ли существует необходимость доказывать невозможность квалификации ее по признаку повторности. Для признания

указанной деятельности повторной необходимо установить, что какой-то цикл изготовления закончился, этому был подведен итог, скажем, в виде сбыта полученных веществ, и началось новое изготовление.

Преступная деятельность характеризуется постоянством осуществления системы однородных и разнородных действий, связанных единой целью. Именно поэтому прежде всего ее и следует рассматривать как своеобразный вид единого преступления.

Единичные преступления по своему характеру могут быть тождественными (одинаковыми), разнородными и однородными. Задача правильной квалификации случаев множественности преступлений, в том числе и такой ее разновидности, как повторность, предполагает четкое уяснение содержания понятий тождественного, разнородного и однородного преступления. Указанные понятия, как и сами термины, в действующем уголовном законодательстве не содержатся¹⁷, хотя как в уголовно-правовой науке, так и в практике судебных и прокурорских органов они употребляются довольно широко, отражая определенное содержание и способствуя решению многих теоретических и практических вопросов, в том числе вопросов квалификации.

Если на практике отнесение преступлений к тождественным, т. е. совпадающим по всем признакам состава, не вызывает каких-либо существенных трудностей (разумеется, при условии верного установления фактических обстоятельств содеянного), то этого нельзя сказать в отношении ситуации, когда необходимо определить, относятся ли преступные деяния к однородным либо разнородным. В теории уголовного права и в практике судебных и прокурорских органов термин «однородные преступления» употребляется для решения вопроса о близости преступных деяний по их характеру, что в свою очередь влечет ряд правовых последствий, в том числе связанных с квалификацией. Основанием для вывода об однородности деяний является совпадение или близость по характеру определенных признаков сравниваемых составов преступлений.

Под однородными преступлениями, занимающими промежуточное положение между тождественными и разнородными уголовно наказуемыми деяниями, понимаются преступления, посягающие на одинаковые или сход-

ные непосредственные объекты и совершенные с одинаковой формой вины¹⁸.

В разъяснении постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1962 г. «О практике назначения судами наказания в случае совершения нового однородного или не менее тяжкого преступления»¹⁹ говорилось, что «однородными следует считать такие преступления, которые были направлены на одинаковые или сходные непосредственные объекты и совершены оба умышленно или оба по неосторожности». Исходя из примечаний к ст. ст. 89 и 144 УК РСФСР и соответствующих положений УК других союзных республик, Пленум Верховного Суда отнес к однородным преступлениям все виды хищений государственного и общественного имущества, личного имущества граждан и бандитизм. Однородными признавались такие умышленные посягательства на жизнь или здоровье граждан, как умышленное убийство, разбой, умышленное телесное повреждение и хулиганство, сопряженное с насилием. К группе однородных преступлений в соответствии с постановлением были отнесены угроза убийством, хулиганство и сопротивление представителю власти или соответственно мошенничество, спекуляция, изготовление поддельных денег и ценных бумаг и нарушение правил о валютных операциях.

Из разъяснений, содержащихся в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда СССР, и приведенного в нем примерного перечня деяний вытекает, что однородными преступлениями признавались деяния, посягающие не только на одинаковые, но и на сходные непосредственные объекты. В самом деле, умышленное убийство и умышленные телесные повреждения, например, посягают на жизнь и здоровье человека, хулиганство — на установленный общественный порядок, разбой — на социалистическую собственность или личную собственность граждан. С учетом объекта ответственность за названные преступления предусмотрена нормами, помещенными в разных главах уголовных кодексов союзных республик. Однако при совершении, к примеру, разбойного нападения и хулиганства, соединенного с насилием, оба деяния, посягающие на различные объекты, одновременно направлены непосредственно и на интересы личности. Поэтому, с точки зрения уголовного закона, можно говорить о безопасности личности как о втором, дополнительном объекте названных преступлений. Аналогичным об-

разом можно объяснить и близость других групп преступлений, указанных в свое время в постановлении Пленума от 3 декабря 1962 г.

Хотя упомянутое постановление было отменено, оно представляло, на наш взгляд, определенный теоретический интерес, так как помогало уяснить содержание понятия однородного преступления и решить вопросы разграничения однородных и разнородных уголовно наказуемых деяний.

Основываясь на анализе некоторых предписаний закона и на положениях постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1962 г., Т. М. Кафаров высказал обоснованные, на наш взгляд, соображения о необходимости дополнения понятия однородных преступлений такими признаками, как их близость либо по характеру (способу, методу) воздействия на охраняемые уголовным законом интересы, либо по мотивам поведения субъекта²⁰. Некоторые авторы, помимо этих признаков, указывают на общность определенных свойств субъектов²¹.

Соглашаясь с тем, что в ряде случаев отграничению однородных преступлений от разнородных способствует уяснение и определенных свойств субъекта, в то же время полагаем, что сходство однородных преступлений по своему характеру дает основание указать соответственно на сходство определенных антиобщественных качеств личности в более широком значении, а не только с точки зрения «чисто юридических» признаков субъекта преступления. Однородность объективно проявившихся деяний служит основанием для вывода и о сходных криминальных свойствах личности. В этом отношении представляют интерес результаты некоторых криминологических исследований. Так, проведенные А. Ф. Зелинским обследования неоднократно судимых показали, что в их «преступной биографии» довольно часто фигурируют такие, если не однородные, то «родственные» преступления, как кражи и угон транспортных средств, неосторожные преступления и хулиганство, уклонение от уплаты алиментов и нарушение паспортного режима, насильственные посягательства на жизнь и здоровье, бродяжничество и имущественные преступления, должностные преступления и хищение государственного и общественного имущества путем присвоения, растраты и злоупотребления служебным положением²².

Несмотря на то что, на наш взгляд, вряд ли можно считать «родственным» неосторожные преступления и хулиганство, в целом эмпирический материал, собранный и систематизированный А. Ф. Зелинским, достаточно убедительно свидетельствует об общности определенных криминогенных черт, обусловивших совершение близких по характеру преступлений.

Криминологическое значение однородных преступлений во многом определило и их уголовно-правовое значение. В ряде норм действующего законодательства понятие повторности охватывает и некоторые однородные преступления. В практике судов совершение однородных преступлений, даже если они не предусмотрены в числе квалифицирующих обстоятельств, оценивается как объективное проявление стойкости определенных антиобщественных свойств личности преступника и обычно принимается во внимание какотягающее ответственность обстоятельство при назначении наказания.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что в интересах точного и единообразного применения норм уголовного закона было бы целесообразно, на наш взгляд, включить в Общую часть уголовного законодательства положения, определяющие признаки сложного, продолжаемого и однородного преступлений.

§ 2. Понятие повторности преступлений и ее место в структуре множественности уголовно наказуемых деяний

Выше мы рассмотрели понятие и разновидности единичного преступления, входящего в структуру повторности уголовно наказуемых деяний. Однако задача полного раскрытия понятия повторности, его содержания не может быть ограничена лишь изложенным. Осуществление этой задачи предполагает рассмотрение повторности в соотношении со смежными социально-правовыми явлениями и соответствующими понятиями, определяет необходимость уяснения места повторности в более сложном по структуре и более широком по объему образовании — множественности преступлений. Как отмечал В. И. Ленин, анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Ф. Энгельс) требует всего изучения движения понятий, их связи, их взаимопереходов²³. Только такой подход к изучаемым явлениям обеспечивает

успех познавательной деятельности человека. «Чтобы действительно знать предмет, — подчеркивал В. И. Ленин, — надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»²⁴. Эти ленинские положения имеют важное методологическое значение и для теоретического рассмотрения правовых категорий и понятий. Правовые понятия, справедливо отмечает А. М. Васильев, выражая элементы правовой материи, характеризующие ее внутреннюю организацию, разноплановы, разнообразны по степени обобщения и логическому уровню. Поэтому возникает потребность в их логической группировке и координации таким образом, чтобы выразить внутреннюю организацию правовой формы²⁵.

Уяснение соотношения повторности в качестве структурного компонента и множественности преступлений, в качестве системно-структурного образования, охватывающего ряд социально-правовых явлений, в том числе и повторность, важно и с точки зрения потребностей практики органов суда и прокуратуры. Эти вопросы решаются указанными органами при применении, в частности, норм, регламентирующих ответственность за повторные преступления. Следовательно, верное понимание интересующего нас круга вопросов — обязательное условие правильной, отвечающей требованиям закона квалификации преступлений.

Для точного определения места такой структурной части множественности преступлений, как повторность уголовно наказуемых деяний, установления субординационного порядка расположения понятия повторности, соотношения его с другими понятиями, характеризующими структурные звенья категории более высокого порядка — множественности преступлений, необходимо прежде всего четко уяснить содержание понятий самой повторности общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом.

В уголовно-правовой науке и в практике правоохранительных органов с достаточным основанием, на наш взгляд, различают: 1) общую повторность (повторность в широком смысле слова), охватывающую все разновидности повторения преступлений одним и тем же лицом независимо от характера, степени общественной опасности преступлений и наличия осуждения за эти деяния²⁶, и 2) специальную повторность (повторность в узком смысле слова), под которой понимают более огра-

ниченный круг неоднократно совершенных преступлений — тождественных, а в случаях, прямо предусмотренных законом, — и однородных преступлений, совершенных одним и тем же лицом, независимо от осуждения за эти преступления.

Объединяющим признаком общей и специальной повторности является последовательное совершение двух и более общественно опасных деяний, предусмотренных уголовно-правовыми нормами, и отсутствие оснований, погашающих правовые последствия совершенных преступлений*.

В юридической литературе понятие специальной повторности определяется не однозначно, что в известной мере можно объяснить отсутствием законодательного определения общего понятия повторности, а также отсутствием единства в терминологии при характеристике повторности преступлений в различных уголовно-правовых нормах, предусматривающих в ряде случаев однотипные ситуации. Так, в действующих УК говорится, например, о совершении: преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление (п. 1 ст. 39 УК РСФСР, п. 1 ст. 37 УК Азербайджанской ССР); тех же действий, совершенных ранее осужденными (ч. 2 ст. 70 УК РСФСР, ч. 2 ст. 63 УК Азербайджанской ССР, ч. 2 ст. 88 УК РСФСР, ч. 2 ст. 81 УК Азербайджанской ССР и др.); тех же действий, совершенных повторно (ч. 2 ст. 89, ч. 2 ст. 90, ч. 2 ст. 92, ч. 2 ст. 93 УК РСФСР, ч. 2 ст. 83, ч. 2 ст. 84, ч. 2 ст. 85, ч. 2 ст. 86, ч. 2 ст. 154-3 УК Азербайджанской ССР и др.); тех же действий, совершенных повторно либо лицом, ранее совершившим одно из преступлений (указываются виды преступлений).

Такое разнообразие терминов, обозначающих нередко аналогичные сочетания преступлений, не может не сказаться отрицательно на правильности понимания соответствующих уголовно-правовых норм, а следовательно, и на их применении. Четкость и однозначность терминологии в законе — важное условие его эффективности. Так, Н. Ф. Кузнецова, объясняя причину встречающихся в законодательстве неточностей в терминах, не

* Далее, если не оговаривается иное, под термином «повторность преступлений» следует понимать специальную повторность (повторность в узком смысле).

без основания указывает, что в подавляющем большинстве случаев это—результат неясности уголовно-правовых понятий²⁷. Полагаем, что этими же соображениями в известной мере можно объяснить различие в терминологии, связанной с регулированием вопросов об ответственности за множественность преступлений, в том числе и за повторность уголовно наказуемых деяний.

Неодинаковая трактовка понятия специальной повторности в литературе, отсутствие его законодательного определения, а также встречающаяся в уголовном законодательстве различная терминология при характеристике повторности преступлений объясняют и неоднозначное понимание повторности преступлений как квалифицирующего обстоятельства работниками судебных и прокурорских органов. Между тем значимость правильного и единообразного понимания повторности преступлений едва ли требует специального доказывания.

Признак повторности деяния в качестве квалифицирующего обстоятельства предусмотрен в нормах Особенной части уголовного законодательства, устанавливающих усиление наказания как при тождественных, так и в ряде случаев при однородных преступлениях. Согласно закону тождественные преступления образуют повторность, предусмотренную в числе квалифицирующих обстоятельств, при: изготовлении, хранении и сбыте крепких спиртных напитков домашней выработки (ч. 2 и ч. 4 ст. 158 УК РСФСР, ч. 2 и ч. 4 ст. 155 УК Азербайджанской ССР); незаконном занятии рыбным или другими водными добывающими промыслами (ч. 2 ст. 163 УК РСФСР, ч. 2 ст. 159 УК Азербайджанской ССР); управлении транспортными средствами в состоянии опьянения (ч. 2 ст. 211¹ УК РСФСР, ч. 2 ст. 208-2 УК Азербайджанской ССР); угоне автотранспортных средств (ч. 2 ст. 212¹ УК РСФСР); хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ (ч. 2 ст. 218¹ УК РСФСР, ч. 2 ст. 220-1 УК Азербайджанской ССР); изнасиловании (ч. 2 ст. 117 УК РСФСР, ч. 2 ст. 109 УК Азербайджанской ССР) и др.

В то же время в конкретных случаях совершения корыстных посягательств на государственное, общественное и личное имущество (кража, грабеж, мошенничество и хищение государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением) в качестве квалифицирующего

обстоятельства закон предусматривает признак повторности не только тождественных, но и однородных преступлений (примечания к ст.ст. 89 и 144 УК РСФСР; ч. 4 ст. 83, ч. 4 ст. 143 УК Азербайджанской ССР; ч. 2 ст. 96 УК РСФСР; ч. 2 ст. 87 Азербайджанской ССР).

Повторность тождественных и однородных деяний предусмотрена и в составе разбоя: совершения преступления лицом, ранее совершившим бандитизм или разбой (п. «д», ч. 2 ст. 91 УК РСФСР, ч. 2 ст. 88 УК Азербайджанской ССР). Аналогичные положения установлены в составах преступлений, связанных с наркотиками — их незаконным изготовлением, приобретением, хранением, перевозкой, сбытом, хищением и т. д. (части 2 статей 224, 224¹, 224², 225 УК РСФСР; части 2 статей 226, 226-1, 226-2, 226-4, 227 УК Азербайджанской ССР).

Приведенные статьи Особенной части УК РСФСР, предусматривая повторность в качестве квалифицирующего обстоятельства, имеют в виду как случаи совершения нового преступления лицом, ранее судимым за такое же или однородное деяние, так и совершения их лицом, ранее не судимым за такого рода преступления. В постановлении № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» дается разъяснение, которое помогает правильно уяснить понятие «повторность преступлений». «Часть 2 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, предусматривающая повышенную ответственность за изнасилование, совершенное лицом, ранее совершившим изнасилование, — говорится в постановлении, — подлежит применению независимо от того, был ли виновный осужден за ранее совершенное изнасилование...»²⁸. Аналогичные разъяснения даны в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищении государственного и общественного имущества», от 27 июня 1975 г. № 4 «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»²⁹ и др. Содержание приведенных уголовно-правовых норм и разъяснения Пленума Верховного Суда СССР не оставляют места сомнениям в том, что квалифицированная повторность охватывает и случаи специального рецидива соответствующих преступлений.

По изложенным выше соображениям мы не можем согласиться с мнением авторов, понимающих под по-

вторностью совершение двух и более тождественных либо однородных преступлений (когда согласно специальному указанию закона они образуют повторность) до вынесения приговора по любому из них³⁰. Такая трактовка не охватывает всех возможных проявлений повторности. Она не основана на учете содержания уголовно-правовых норм, предусматривающих повторность в числе квалифицирующих признаков состава, и разъяснений Пленума Верховного Суда СССР применительно к некоторым категориям преступлений.

Рассмотрим вопрос о месте повторности в структуре множественности преступлений, которая в нашей уголовно-правовой литературе определяется как совершение одним лицом «двух или более преступлений» либо «нескольких преступлений»³¹ или, что в принципе одно и то же, как стечение в поведении одного и того же лица нескольких правонарушений, каждое из которых согласно закону обладает признаками самостоятельного преступления³². При этом единым является мнение о том, что множественность преступлений имеет место независимо ни от степени близости образующих ее преступлений, ни от факта осуждения за ранее совершенное преступление (или преступления). Для признания множественности преступлений важно, чтобы входящие в нее деяния не утратили своего юридического значения. Не будет множественности преступлений в тех случаях, если истекли установленные законом сроки привлечения лица к уголовной ответственности и исполнения обвинительного приговора, а также погашена или снята судимость в установленном законом порядке.

Нормы, регламентирующие ответственность за совершение нескольких преступлений, содержатся в положениях как Общей, так и Особенной частей уголовного законодательства. В совокупности эти нормы с учетом общих свойств, присущих множественности преступлений, и особенностей ее видов позволяют осуществлять целенаправленную уголовно-правовую борьбу с множественностью преступных деяний.

Говоря о нормах уголовного законодательства, следует указать на ст. 23¹ Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик*, которая, фор-

* Там, где это удобно, для краткости будем писать Основы или Основы уголовного законодательства.

мулируя признаки особо опасного рецидивиста, исходит из повышенной общественной опасности и количества неоднократно совершенных рецидивистом преступлений. Признание судом лица особо опасным рецидивистом влечет ряд правовых последствий, усиливающих уголовную ответственность.

Статья 34 Основ уголовного законодательства в числе отягчающих ответственность обстоятельств признает совершение преступления лицом, ранее уже совершившим преступление. Некоторые статьи Основ (ст.ст. 35, 36) содержат нормы, предусматривающие правила назначения наказания лицам, совершившим несколько преступлений, четко выражая уголовно-правовую политику Советского государства, направленную на углубление дифференциации ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, усиление ответственности лиц, которые, упорно не желая соблюдать требования закона, встали на путь неоднократного совершения преступлений.

Уголовно-правовая политика в сфере борьбы с множественностью преступлений нашла отражение и в нормах Общей части уголовного права, регулирующих условия отбывания такого наказания, как лишение свободы (ст. 23 Основ), определяющих основания применения условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, условно-досрочного освобождения от наказания и замены наказания более мягким и др. Согласно закону эти институты уголовного права либо вообще не применяются к определенной категории лиц, неоднократно совершивших преступления, либо применение их связано (по сравнению с впервые осужденными) с дополнительными условиями.

В соответствии со ст. 41 Основ совершение лицом нового преступления прерывает срок давности уголовного преследования, а согласно ст. 47 Основ совершение нового преступления лицом, ранее судимым, прерывает предусмотренное законом течение срока погашения судимости за предшествующее преступление.

В теории советского уголовного права общепринятым является мнение, согласно которому множественность преступлений является институтом Общей части уголовного права. Разделяя эту точку зрения, мы не можем, однако, присоединиться к соображениям о том, что содержание института множественности преступлений «со-

ставляет совокупность норм Общей части»³³. Уголовно-правовые нормы представляют собой определенные правила. Последние определяются в большинстве случаев положениями как Общей, так и Особенной частей уголовного права. Применительно к множественности преступлений нельзя не отметить, что статьи не только Общей, но и Особенной части содержат немало положений, регламентирующих вопросы множественности (примечание к ст. 89 УК РСФСР, ч. 4 ст. 83 УК Азербайджанской ССР; примечание к ст. 144 УК РСФСР, ч. 4 ст. 143 УК Азербайджанской ССР; ч. 2 ст. 99¹ УК РСФСР, ч. 2 ст. 93¹ УК Азербайджанской ССР; ч. 2 ст. 116 УК РСФСР, ч. 3 ст. 115 УК Азербайджанской ССР; ч. 3 ст. 89 УК РСФСР, ч. 3 ст. 83 УК Азербайджанской ССР; п. «л» ст. 102 УК РСФСР, п. 8 ст. 94 УК Азербайджанской ССР; ч. 2 ст. 87 УК РСФСР, ч. 2 ст. 80 УК Азербайджанской ССР; ч. 2 ст. 154 УК РСФСР, ч. 2 ст. 153 УК Азербайджанской ССР и др.).

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что лишь при правильном уяснении всей совокупности постановлений закона, включающей соответствующие положения как Общей, так и Особенной частей уголовного законодательства, можно говорить о множественности преступлений как о правовом институте, регулирующем вопросы уголовной ответственности при совершении одним и тем же лицом нескольких преступлений. Здесь наблюдается положение, аналогичное тому, которое связано с уяснением места состава преступления в системе законодательства и в науке уголовного права. Известно, что признаки состава преступления предусматриваются в диспозициях статей как Общей (например, возраст уголовной ответственности, вменяемость и др.), так и Особенной частей. Учитывая, что учение о составе преступления содержит общие, принципиально важные положения для решения вопросов, связанных с уяснением содержания и применением всех статей Особенной части, отнесение учения о составе преступления к Общей части уголовного права ни у кого не вызывает сомнений. Вместе с тем это вовсе не приводит к выводу, что вопросы о составе преступления регулируются только положениями Общей части уголовного законодательства.

Не вызывает сомнений по изложенным соображениям, что правильно определить социальную и правовую суть множественности и образующих ее сочетаний пре-

ступлений можно только на основе уяснения положений Общей и Особенной частей уголовного законодательства при условии уяснения содержания этих положений в их неразрывном единстве.

Множественность преступлений охватывает такие сочетания двух и более преступлений в действиях одного и того же лица, которые, обладая существенными особенностями, нашедшими отражение в уголовном законодательстве, послужили основанием для классификации их в науке советского уголовного права.

Принимая во внимание неодинаковые правовые последствия различных видов множественности преступлений, значение уяснения каждого из них для отграничения повторных преступлений от иных разновидностей множественности деяний в процессе квалификации, а также известную разноречивость их классификации в юридической литературе, рассмотрим эти вопросы в настоящей работе*.

Ряд советских криминалистов считает, что множественность может выражаться в виде повторности, рецидива и совокупности преступлений³⁴. Некоторые авторы выделяют лишь две формы множественности преступлений: повторность и совокупность преступлений³⁵.

Несколько иной позиции придерживается В. П. Малков, который полагает, что нельзя одинаково оценивать с точки зрения форм множественности преступлений повторность и рецидив, являющиеся понятиями «не одного класса», разной степени обобщения. Если повторность, по его мнению, действительно может считаться формой непосредственно множественности преступления, то рецидив представляет собой форму повторности. В. П. Малков оспаривает также обоснованность отнесения к формам множественности преступлений реальной совокупности преступлений. Последняя рассматривается им как форма повторности. Таким образом, формами множественности преступлений, по мнению В. П. Малкова,

* Каждая из форм множественности как самостоятельная проблема освещена в ряде монографических исследований советских правоведов. В рамках настоящей работы мы рассматриваем вопросы о видах множественности лишь в связи с уяснением места повторности среди них и не затрагиваем те многие аспекты, которые либо подверглись обстоятельному исследованию в теории уголовного права, либо не имеют прямого отношения к вопросам квалификации.

являются лишь: 1) повторность и 2) идеальная совокупность преступлений. В свою очередь повторность подразделяется им на две разновидности: а) повторность, соединенная с наличием осуждения за ранее совершенное преступление и б) повторность, не соединенная с осуждением лица за ранее совершенное преступление. Последняя выражается в неоднократности и систематичности преступлений, в совершении преступления в виде промысла, в реальной совокупности. Повторность, соединенная с предшествующим осуждением виновного, выражается в рецидиве преступлений³⁶.

Предлагаемая В. П. Малковым градация форм и видов множественности преступлений позволяет логично, обоснованно, с учетом социально-правовых особенностей различных сочетаний нескольких преступлений в поведении лица, четко и верно уяснить структурное содержание категории «множественность преступлений». Она является хорошей базой и для последующего углубления исследований в данной сфере. Так, в литературе была предпринята попытка выделить два и более последовательно совершенных деяния из множественности преступлений. Она нашла свое выражение в некоторых работах советских правоведов, которые рекомендовали с этой целью ввести в научный оборот термин «повторение преступлений»³⁷. В частности, Т. М. Кафаров пишет, что с учетом указанной особенности (последовательность совершенных преступлений. — Т. К.), присущей реальной совокупности, повторности и рецидиву, эти категории множественности в отличие от идеальной совокупности целесообразно было бы именовать повторением преступлений³⁸. Формой множественности преступлений считают повторение также Е. А. Фролов и Р. Р. Галиакбаров. Они относят к повторению преступлений только повторность тождественных и однородных преступлений и рецидив, совокупность выносят за рамки повторения³⁹.

С нашей точки зрения, введение термина «повторение» вряд ли способствует решению вопроса, ибо «повторение» и «повторность» по своему смыслу одно и то же. Тем более что в уголовном законе вообще не употребляется понятие «повторение преступлений». Поэтому нет необходимости заменять широко используемый на протяжении многих лет в литературе и в практике судебных и прокурорских органов термин «общая повторность» термином «повторение».

Небезынтересной представляется более детализированная классификация повторности преступлений, предложенная Г. Т. Ткешелиадзе, который различает: 1) неоднородную повторность, т. е. совершение двух и более разнородных преступлений; 2) однородную повторность, охватывающую случаи совершения двух или более однородных преступлений; 3) специальную повторность, т. е. повторное совершение одного и того же преступления; 4) неоднородный рецидив, при котором лицо после осуждения за первое преступление совершает другое разнородное преступление; 5) однородный рецидив, означающий совершение после осуждения за первое преступление однородного преступления; 6) специальный рецидив — повторное совершение после осуждения за первое преступление такого же преступления; 7) особо опасный рецидив⁴⁰.

В основу классификации повторности могут быть положены в зависимости от цели и другие критерии. Полезной с точки зрения предпосылок решения вопросов квалификации представляется классификация, основанная на учете форм вины: 1) повторность умышленных преступлений; 2) повторность преступлений, совершенных по неосторожности; 3) повторность различных по форме вины преступлений⁴¹.

Указанная классификация позволяет детально уяснить возможные в жизни сочетания преступлений, образующие повторность, и в этом отношении полезна при решении вопросов квалификации повторных преступлений в практике следственных, судебных и прокурорских органов. В то же время она не отражает иерархию понятий разновидностей повторности, а также неполно отражает проявление повторности в виде неоднократности, систематичности и промысла.

С учетом всего изложенного считаем необходимым в рамках множественности преступлений выделить верхний уровень (порядок): идеальную совокупность и общую повторность преступлений. При этом последняя охватывает: 1) повторность преступлений, т. е. одновременное совершение не менее двух тождественных или однородных, когда это специально указано в законе, преступлений, а при таких разновидностях ее, как неоднократность, систематичность и промысел, — тождественных преступлений одним и тем же лицом при отсутствии факта его осуждения; 2) специальный рецидив

преступлений, т. е. совершение при указанных выше условиях нового тождественного или однородного преступления лицом, ранее уже судимым*; 3) реальную совокупность преступлений, т. е. совершение разнородных, а когда в законе нет специального указания на образуемую ими повторность, и однородных преступлений одним лицом, ранее не осуждавшимся ни за одно из упомянутых преступлений; 4) общий рецидив, т. е. совершение разнородных, а при указанных выше условиях и однородных преступлений лицом, которое было уже осуждено за одно из этих преступлений.

Правильное применение уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за повторность преступлений, предполагает четкое разграничение случаев повторности от идеальной и реальной совокупности преступлений. Характеризуя в этой связи виды совокупности преступлений, прежде всего отметим, что при идеальной совокупности образующие ее преступления связаны между собой по признакам субъекта, объективной и субъективной сторон, а при реальной совокупности — только тем, что их совершило одно лицо. Идеальная совокупность преступлений характеризуется тем, что одним действием виновный совершает по меньшей мере два преступления, полностью или частично совпадающих по времени их начала и окончания.

Как указывалось в юридической литературе, можно различать виды идеальной совокупности. Так, входящие в идеальную совокупность преступления, совершенные умышленно, могут иметь неодинаковую направленность умысла, что обуславливает посягательства на разные объекты. Следовательно, можно различать идеальную совокупность преступлений, посягающих как на один, так и на разные объекты. Может быть выделена и такая идеальная совокупность, при которой входящие в нее преступления характеризуются неодинаковой формой вины⁴².

При реальной совокупности в действиях одного и того же субъекта налицо два или более последовательно совершенных преступления, когда ни за одно из них он ранее не осуждался. Реальная совокупность характери-

* Ситуации, указанные в пунктах первом и втором, образуют сочетания преступлений, охватываемые понятием «квалифицирующая» повторность, рассматриваемая в нашей работе.

зуется тем, что в последовательно совершенных одним и тем же лицом по меньшей мере двух действиях содержатся признаки преступлений, предусмотренных разными нормами Особенной части уголовного законодательства.

В рамках реальной совокупности следует различать ее виды, зависящие от сочетания входящих в нее преступлений. При этом возможны следующие ситуации: 1) одно преступление создает условия для совершения другого преступления. Например, угон автомашины может явиться условием совершения дорожно-транспортного преступления; 2) одно преступление является способом либо средством совершения другого преступления (разумеется, если уголовным законом оба деяния не охватываются единым составом преступления); 3) одно преступление является способом или средством сокрытия другого преступления либо средством избежания ответственности за него; 4) преступления, образующие совокупность, не находятся в связи, указанной в первых трех случаях; 5) совершенные преступления характеризуются однородностью мотивов посягательства⁴³. Такая классификация помогает отграничивать единые преступления со сложным составом от совокупности преступлений*.

Из приведенной характеристики реальной совокупности преступлений следует, что, будучи разновидностью множественности преступлений, она стоит в одном ряду с повторностью. Вместе с тем указанные разновидности множественности различаются по существенным признакам. При повторности лишь возможна ситуация, обязательная при совокупности, — отсутствие осуждения виновного лица за преступления, входящие в повторность или реальную совокупность. Отличаются они друг от друга и характером совершенных преступлений. При повторности последние, как правило, тождественны и, лишь когда это прямо предусмотрено законом, однородны. При реальной совокупности совершенные преступления, как правило, либо разнородны, либо однородны (в

* В литературе встречается и другая классификация совокупности преступлений (см.: Яковлев А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву, с. 82 и др.; Никифоров А. С. Совокупность преступлений. М., 1965, с. 15 и др.). Однако поскольку она преследует задачу отразить степень общественной опасности личности преступника и не связана с задачами квалификации, полагаем возможным, не рассматривать ее в рамках настоящей работы.

последнем случае, когда соответствующие сочетания деяний прямо не отнесены законом к повторности).

От повторности и реальной совокупности следует отличать рецидив преступлений, который представляет собой вид повторности преступлений, характеризующийся совершением общественно опасного деяния лицом, уже осуждавшимся за ранее совершенное преступление — отбывающим ранее назначенное наказание или отбывшим его, но имеющим судимость (легальный рецидив). Таким образом, рецидив преступления будет иметь место в том случае, если лицо, имеющее не погашенную и не снятую в установленном законом порядке судимость, после отбытия наказания совершило новое преступление, а также если повторное преступление было совершено: во время отбывания наказания; до истечения испытательного срока при условном осуждении; при уклонении осужденного от отбывания наказания; когда обвинительный приговор не был обращен к исполнению.

Рецидив — наиболее опасная разновидность множественности преступлений, обнаруживающая упорное нежелание виновного лица соблюдать требования советских уголовных законов.

Помимо легального рецидива в теории уголовного права и в криминологии различают криминологический (или фактический) рецидив, который определяется как последовательное совершение двух и более преступных деяний, независимо от факта осуждения за ранее совершенное преступление. Криминологический рецидив поглощает своим содержанием все разновидности общей повторности преступления, включая и те, которые потеряли свое юридическое значение в силу истечения давностных сроков, погашения судимости либо снятия ее в установленном законом порядке. В связи с этими особенностями криминологического рецидива он теряет свое значение для решения вопросов квалификации и поэтому не рассматривается в нашей работе.

Решению вопросов квалификации способствует общепринятое в юридической литературе деление легального рецидива на общий, охватывающий разнородные преступления, и специальный, состоящий из тождественных или однородных преступлений. Квалифицирующее значение закон придает лишь специальному рецидиву*.

* Здесь не имеются в виду сочетания общего рецидива, образующие особо опасный рецидив.

В уголовно-правовой теории и криминологии в зависимости от количественных показателей прошлой судимости различают простой и сложный рецидив. Простой (однократный) рецидив имеет место тогда, когда лицо ранее осуждалось один раз и вновь совершило преступление. Сложный (многократный) рецидив характеризуется тем, что лицо, ранее осуждавшееся два раза и более, совершает новое преступление.

Отдельные авторы классифицируют проявления рецидива с учетом формы вины преступлений, различая: а) рецидив умышленных преступлений; б) рецидив преступлений, совершенных по неосторожности; в) рецидив преступлений, совершенных умышленно и по неосторожности⁴⁴.

Обоснованным представляется нам выделение такой разновидности рецидива, как «пенитенциарный»⁴⁵. Под последним понимается такая форма рецидива, при котором лицо уже отбывало за ранее совершенное преступление наказание в виде лишения свободы и вновь осуждается к этому виду наказания. Вопросы ответственности за такой рецидив регулируются в некоторых нормах уголовного законодательства (см. например, ст. 23 Основ).

Как и авторы других работ, определяя содержание понятий повторности, совокупности и рецидива, мы стремились разграничивать виды повторения преступлений, поскольку четкое уяснение различий, существующих между ними, относится к числу обязательных условий успешного решения вопросов квалификации преступлений. Однако приведенное разграничение является условным. Нередко встречаются ситуации, когда то или иное проявление множественности преступлений не представляется возможным отнести к какой-либо одной из ее разновидностей. Обращая внимание на это, И. И. Горелик даже употребляет термин «повторность — совокупность» как стечение нескольких преступлений, ни за одно из которых виновный не был судим⁴⁶. Возможны случаи совпадения также рецидива и повторности преступлений (например, лицом, судимым за разбой, совершена кража). Однако повторность может и не образовывать рецидива преступлений (например, лицо совершило повторное изнасилование до осуждения за первый случай совершения такого же преступления).

Аргументированные выводы о соотношении повторности, реальной совокупности и рецидива преступлений

сформулированы В. Н. Кудрявцевым, указавшим на существование четырех вариантов этого соотношения. Если рассматривать рецидив преступлений, то он может не совпадать ни с совокупностью, ни с повторностью, совпадать только с повторностью, только с совокупностью, совпадать и с совокупностью, и с повторностью преступлений. Аналогичные варианты возможны, если за исходный элемент соотношения принимать повторность или совокупность преступлений⁴⁷.

Однако возможность совпадения повторности, совокупности и рецидива преступлений не устраняет значения проблемы их разграничения, ибо в реальной действительности повторность, совокупность и рецидив преступлений часто проявляются самостоятельно.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что множественность преступлений выражается в двух разновидностях: в единовременном и последовательном совершении двух или большего числа преступных актов. Первая разновидность — идеальная совокупность преступлений. Вторая разновидность множественности (общая повторность) охватывает сочетания преступлений, образующих специальную повторность, реальную совокупность и рецидив преступлений — специальный и общий.

§ 3. Неоднократность, систематичность преступлений и совершение преступлений в виде промысла как разновидности повторности

Немало статей Особенной части действующего уголовного законодательства предусматривают в числе квалифицирующих признаков состава неоднократность, систематичность преступлений и совершение последних в виде промысла. Являясь формами проявления повторности уголовно наказуемых деяний, указанные признаки учитываются судебными и прокурорскими органами при решении вопросов квалификации преступлений. В ряде норм неоднократность, систематичность деяний и совершение их в виде промысла предусмотрены в качестве конститутивных признаков состава, т. е. признаков, формирующих основной состав преступлений.

Сказанное свидетельствует о важности уяснения содержания понятий упомянутых форм преступного поведения. Это необходимо для правильного решения вопро-

сов об основаниях уголовной ответственности, отграничения их от смежных понятий и квалификации преступных деяний, совершенных несколько раз одним и тем же лицом. Однако в практике органов прокуратуры и суда, как и в юридической литературе, эти вопросы не всегда решаются достаточно правильно.

Сопоставительный анализ уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за различные виды преступлений, а также анализ практики судов позволяет прийти к выводу, что, употребляя термины «неоднократность» и «повторность», законодатель с точки зрения количественной стороны придает им одинаковое значение, имея в виду совершение преступлений не менее двух раз. Такой вывод основан и на некоторых разъяснениях, которые были даны Пленумом Верховного Суда СССР. Так, в постановлении № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» говорится, что хищение следует считать повторным во всех случаях, когда лицо ранее совершило одно из преступлений, указанных в примечании к ст. 89 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик⁴⁸. Аналогично трактуется повторность в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР от 26 сентября 1975 г. № 7 «О судебной практике по делам о хищении наркотических веществ, незаконном изготовлении и распространении наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ»⁴⁹ и от 27 июня 1975 г. № 4 «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»⁵⁰.

Позиция высшего судебного органа нашей страны в вопросе о понимании неоднократности преступлений нашла четкое отражение в разъяснении названного признака применительно к составам получения взятки, посредничества во взяточничестве и дачи взятки. Согласно указанию, содержащемуся в постановлении № 16 Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве», неоднократное получение, дача взятки или посредничество во взяточничестве предполагают совершение одного из указанных преступлений не менее двух раз, если при этом не истекли предусмотренные законом сроки давности привлечения к уголовной ответственности⁵¹.

Понятия неоднократности и повторности совпадают

не только по количественному признаку, но и по некоторым качественным признакам, характеризующимся совершением при повторности и неоднократности тождественных либо, если закон указывает на это, однородных преступных деяний. В частности, к такому выводу можно прийти, если принять во внимание, что слова «неоднократный» и «повторный» — синонимы. Неоднократный означает повторяющийся не один раз, а повторный — вторичное проявление чего-то⁵². Поэтому полагаем неточным утверждение о том, что повторное совершение преступления есть лишь вторичное (во второй раз) его совершение, а неоднократное — тождественно понятию «многократный» и означает совершение действий два и более раз⁵³.

Нельзя согласиться и с авторами, считающими, что неоднократность предполагает совершение преступлений не менее трех раз. Так, И. И. Горелик пишет: «Если повторным является второе преступление, то, естественно, что неоднократным будет преступление, совершенное в третий раз»⁵⁴. В принципе разделяя его взгляд на неоднократность, П. Т. Некипелов дополняет понятие неоднократности еще и таким признаком, как совершение деяний в аналогичных условиях. «Неоднократность — это совершение тех же действий и в тех же условиях (подчеркнуто нами. — Т. К.), но три и более раз»⁵⁵. К сожалению, автор не разъясняет, как следует понимать эти условия. Нам представляется, что упоминание о них отнюдь не вытекает из содержания статей, указывающих на неоднократность преступлений, которые в жизни могут быть совершены в различных ситуациях и условиях. Они всегда в большей или меньшей степени будут различаться по своей конкретике. Однако важно, чтобы каждое из преступлений, образующих неоднократность, содержало все конститутивные признаки состава одного и того же преступления либо составов однородных преступлений (когда закон это предусматривает в статье Особенной части уголовного законодательства).

Не основано на законе и противоречит разъяснению Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве» толкование термина «неоднократность» в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Азербайджанской ССР от 22 сентября 1972 г. «О судебной практике по делам об использовании служебного автотранспорта в корыст-

ных целях». В названном постановлении указывается, что неоднократно следует считать использование вверенного по службе автотранспорта при незаконной перевозке грузов и пассажиров не менее трех раз⁵⁶.

Такая трактовка неоднократности устраняет какое-либо различие, существующее между понятием неоднократности и другим понятием, известным советскому уголовному законодательству, — систематичностью. Между тем различие между ними, как будет показано далее, существует. Оно, на наш взгляд, существует и между понятиями «неоднократность» и «повторность». К такому выводу можно прийти, сравнив текст некоторых статей Уголовного кодекса. Ряд статей УК, предусматривая неоднократность в качестве квалифицирующего признака состава преступлений, одновременно признает как самостоятельный квалифицирующий признак предшествующее осуждение лица за такое же или однородное преступление (см. например, ч. 2 ст. 173, ч. 2 ст. 174, ч. 2 ст. 174¹ УК РСФСР; ч. 2 ст. 170, ч. 2 ст. 170-1, ч. 2 ст. 171 УК Азербайджанской ССР). Такая конструкция состава не оставляет места сомнениям в том, что неоднократность не предполагает предшествующего осуждения за такое же или однородное деяние*. В противном случае не было бы необходимости вводить в число квалифицирующих обстоятельств предшествующую судимость лица за ранее совершенное соответствующее деяние. Что же касается повторности, то она имеет место как при осуждении лица за тождественное либо однородное преступление, так и при отсутствии судимости за эти деяния.

Сказанное имеет важное значение при решении вопросов квалификации деяний, когда закон в числе признаков состава предусматривает неоднократность и не содержит указаний о предшествующем осуждении лица

* Однако следует иметь в виду, что в постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 сентября 1981 г. «О порядке применения статьи 156² Уголовного кодекса РСФСР» понятие неоднократности применительно к составу получения незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения, толкуется несколько иначе. В пункте 4 этого постановления указано, что неоднократно является также получение незаконного вознаграждения лицом которое ранее было осуждено за аналогичное преступление (см.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1981, № 6, с. 43). Полагаем, что такое толкование является расширительным.

за аналогичное преступление. Так, ст. 99¹ УК РСФСР, ст. 93-1 УК Азербайджанской ССР, устанавливающие уголовную ответственность за преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники, в ч. 2 указанных статей предусматривают усиление наказания, если эти деяния совершены неоднократно или причинили крупный ущерб. Аналогично сконструирован состав незаконного производства аборта (ст. 116 УК РСФСР, ст. 115 УК Азербайджанской ССР). В качестве особо квалифицирующего обстоятельства ч. 3 ст. 116 УК РСФСР, ч. 3 ст. 115 УК Азербайджанской ССР, помимо таких последствий, как длительное расстройство здоровья или смерть потерпевшей, указывают на неоднократность действий, предусмотренных частями первой и второй названных статей. Часть 2 ст. 209 УК Азербайджанской ССР предусматривает усиление уголовной ответственности при неоднократности использования водителем вверенного по службе автотранспорта для перевозок грузов и пассажиров в корыстных целях.

Приведенные конструкции составов обращают на себя внимание и в другом отношении. Согласно действующей редакции названных статей УК создается положение, правильность и справедливость которого вызывает сомнение: повторное преступление лица, ранее осужденного по ч. 1 ст. 209, квалифицируется вновь по ч. 1 этой статьи, а повторное совершение упомянутого деяния лицом, ранее не судимым, подпадает под действие ч. 2 ст. 209 УК Азербайджанской ССР. Едва ли можно признать такое решение удачным.

Изложение дает основание считать, что в случаях признания неоднократности в качестве квалифицирующего признака одновременно следует устанавливать повышенную ответственность и за случаи повторного совершения аналогичного преступления лицом, ранее судимым. Однако более оптимальный вариант конструкции составов в подобных ситуациях может быть осуществлен путем введения в состав такого квалифицирующего признака, как повторность, охватывающего и случаи нового преступления, совершенного лицом, осужденным за аналогичное деяние.

Введение квалифицирующего признака «неоднократность», исключаяющего, как это было показано выше, предшествующую судимость лица, нельзя признать удач-

ным и по другим соображениям. Законодательной практике известны отдельные случаи, когда указанный признак определяется в статье Особенной части, устанавливающей в числе конститутивных признаков состава административную преюдицию, согласно которой деяние, будучи совершено в первый раз, влечет применение мер административно-правового воздействия (ч. 1 ст. 209 УК Азербайджанской ССР). Повторное после этого совершение такого же поступка влечет уголовную ответственность. В связи с этим неоднократность указанных деяний вообще исключает уголовную ответственность, если она не «прерывается» применением административного воздействия. Если же неоднократность влечет сначала применение административного воздействия, а затем осуждение, то исключаются ситуации оценки неоднократности как квалифицирующего обстоятельства, влекущего применение ч. 2 ст. 209 УК Азербайджанской ССР; поскольку неоднократность не охватывает случаев предшествующего осуждения лица за соответствующее преступление.

В свете сказанного следует, на наш взгляд, обсудить вопрос об исключении из законодательства такого квалифицирующего признака, как неоднократность. Претворение в жизнь этих соображений, во-первых, исключило бы разноречивое толкование как на практике, так и в теории термина «неоднократность», а следовательно, способствовало бы правильности квалификации при соответствующих ситуациях и, во-вторых, придало бы содержанию статей Особенной части большую согласованность, а понятийному аппарату большую стройность и ясность. Кроме того, исключение из постановлений Особенной части уголовного законодательства признака неоднократности, понимаемого как совершение двух и более тождественных либо однородных преступлений при отсутствии факта осуждения за какое-либо из них, позволило бы устранить из практики и теории неосновательное отождествление неоднократности и систематичности преступлений.

Представляя собой одну из специальных форм повторности, систематичность преступлений отличается от неоднократности, с которой ее связывают некоторые общие черты, многократность совершения тождественных преступлений одним и тем же лицом. Однако значительно важнее для решения вопросов квалификации деяний оп-

ределить различие между ними, указать особенности систематичности, ограничивающие ее от неоднократности. Эти особенности связаны как с количеством образующих систематичность преступлений, так и ее качественным своеобразием. В настоящее время общепринятым в теории советского уголовного права является позиция, в соответствии с которой систематичность имеет место при условии совершения виновным не менее трех преступлений, по своему характеру являющихся тождественными.

Другая особенность систематичности — известная постоянность, устойчивая линия антиобщественного поведения на протяжении более или менее продолжительного периода времени, обнаруживающая стойкость определенной антиобщественной ориентации личности преступника. На такую характерную особенность, как длительность, продолжительность антиобщественного поведения субъекта, обращено внимание в постановлении № 10 Пленума Верховного Суда СССР от 28 июня 1973 г. (с изменениями, внесенными постановлением № 13 Пленума Верховного Суда СССР от 3 сентября 1976 г.) «О судебной практике по делам о нарушении паспортных правил, систематическом занятии бродяжничеством или попрошайничеством, а также ведении в течение длительного времени иного паразитического образа жизни». В п. 1 постановления систематичность бродяжничества определяется как перемещение в течение длительного времени из одного населенного пункта в другой либо в пределах одного города лица, не имеющего постоянного жительства или оставившего его и проживающего на нетрудовые доходы. В п. 2 разъясняется, что систематическим попрошайничеством следует считать действия, свидетельствующие о паразитическом образе жизни⁵⁷.

С учетом более серьезного вреда, причиняемого систематическим совершением преступлений одного и того же вида, и повышенной общественной опасности личности самого виновного, проявившейся в серии преступных действий, законодатель в некоторых статьях Особенной части УК предусмотрел систематичность как квалифицирующее обстоятельство (например, в ч. 2 ст. 196 УК РСФСР, устанавливающей оснований усиления уголовной ответственности за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, штампов,

печатей, бланков). Однако более характерным для действующего законодательства является придание систематичности деяния значения конститутивного признака состава преступления. В качестве одного из признаков основания уголовной ответственности она предусмотрена в уголовно-правовых нормах, устанавливающих ответственность за: побои и истязания (ст. 113 УК РСФСР, ч. 2 ст. 108 УК Азербайджанской ССР); посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов (ч. 2 ст. 227 УК РСФСР, ч. 2 ст. 142-1 УК Азербайджанской ССР); вовлечение несовершеннолетних в пьянство (ч. 2 ст. 215-3 УК Азербайджанской ССР); доведение до самоубийства (ст. 107 УК РСФСР, ст. 100 УК Азербайджанской ССР); распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190¹ УК РСФСР, ст. 188-1 УК Азербайджанской ССР); систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством (ст. 209 УК РСФСР, ст. 215-1 УК Азербайджанской ССР); скупку для скармливания или скармливание скоту и птице хлеба и других хлебопродуктов (ст. 154¹ УК РСФСР) и др. В соответствии с законом в этих случаях единичный акт (например, единичный факт высказывания заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй), если он не образует звена в поведении, носящем систематический характер, не может служить основанием для привлечения лица к уголовной ответственности. Лишь в совокупности такие акты поведения образуют деяние, обладающее такой степенью общественной опасности, которая и обуславливает в целях борьбы с ним установление уголовной ответственности.

Таким образом, в соответствии с содержанием приведенных выше статей уголовных кодексов можно прийти к выводу о том, что в зависимости от законодательной характеристики систематичность деяний рассматривается как 1) единое преступление и как 2) специальный вид повторности преступлений.

Близкой к систематичности является другая форма преступного поведения, образуемая рядом общественно опасных актов,— совершение деяния в виде промысла.

Однако обращение к действующему законодательству не оставляет места сомнению в том, что систематичность действий и совершение деяний в виде промысла —

понятия не однозначные. Так, ч. 2 ст. 172 УК Литовской ССР в качестве квалифицирующих признаков незаконной порубки леса указывает на совершение последней «систематически или в виде промысла». Тем самым подчеркивается самостоятельное значение этих признаков.

Для раскрытия содержания понятия промысла как определенной формы преступной деятельности необходимо обратиться к соответствующим нормам уголовного законодательства. Совершение деяния в виде промысла в действующем законодательстве, как и в ранее действующих уголовно-правовых нормах, предусмотрено в качестве признаков ряда преступлений. Как конститутивный признак состава он фигурирует в статьях Особенной части, предусматривающих ответственность за: коммерческое посредничество (ч. 2 ст. 153 УК РСФСР, ст. 152-1 УК Азербайджанской ССР); занятие запрещенным промыслом (ст. 162 УК РСФСР, ст. 158 УК Азербайджанской ССР); незаконное занятие рыбным или другими водными добывающими промыслами (ст. 163 УК РСФСР, ст. 159 УК Азербайджанской ССР); незаконную порубку леса (ст. 164 УК Азербайджанской ССР) и др.

В подобных составах под совершением преступления в виде промысла понимается преступление, образуемое совокупностью одинаковых, однородных или разнородных органически связанных между собой действий, которые посягают на одну сферу охраняемых законом общественных отношений, объединены единой субъективной стороной и предусмотрены одной уголовно-правовой нормой. Так, коммерческое посредничество может выражаться в совокупности различных действий: например, приобретении товаров для других лиц, в найме помещения для торговли, в подыскании подходящей жилой площади для обмена. В то же время этот вид преступления может выразиться в разновременной трехкратной продаже товаров, принадлежащих другим лицам. Некоторые деяния, оцениваемые законодателем как преступление, при условии их совершения в виде промысла могут быть образованы лишь одинаковыми актами, например незаконная порубка леса.

Таким образом, указанные проявления преступлений состоят по меньшей мере из трех эпизодов, каждый из которых является звеном единого преступления. По существу здесь понятие промысла не отличается от рас-

смотренного в параграфе первом работы понятия преступной деятельности как разновидности единичного преступления. Говоря иначе, совершение преступления в виде промысла в рассматриваемых случаях — одна из форм преступной деятельности.

Ряд составов предусматривает совершение деяния в виде промысла в числе квалифицирующих признаков: изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ч. 2 ст. 87 УК РСФСР, ч. 2 ст. 80 УК Азербайджанской ССР); нарушение правил о валютных операциях (ч. 2 ст. 88 УК РСФСР, ч. 2 ст. 81 УК Азербайджанской ССР); спекуляция (ч. 2 ст. 154 УК РСФСР, ч. 2 ст. 153 УК Азербайджанской ССР); незаконная порубка леса (ч. 2 ст. 169 УК РСФСР); приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ч. 4 ст. 208 УК РСФСР, ч. 2 ст. 214 УК Азербайджанской ССР).

В отличие от признака промысла в основных составах, когда интересующее нас понятие может охватить различные по характеру (одинаковые, однородные и разнородные) действия, которые лишь в совокупности образуют преступление, причем единичное, совершение преступления в виде промысла как квалифицирующий признак состава предполагает одновременное совершение лицом по меньшей мере трех преступлений, каждое из которых содержит признаки основного состава. Таким образом, если промысел как конститутивный признак состава может в некоторых случаях включать в себя и разнородные действия, то в составах, где он предусмотрен как квалифицирующий признак, совершение деяния в виде промысла охватывает по меньшей мере три преступления, одинаковые по своему характеру, по своей юридической природе. Так, ч. 1 и ч. 3 ст. 208 УК РСФСР (ч. 1 ст. 214 УК Азербайджанской ССР) устанавливает уголовную ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, если даже эти действия совершены в первый раз. Те же действия, совершенные в виде промысла, влекут ответственность по ч. 4 (ч. 2) указанной статьи.

Обладая с точки зрения количественных признаков общими чертами с систематичностью, преступный промысел имеет особенности, связанные с характером преступлений.

Законодатель использует термин «совершение дея-

ния в виде промысла» применительно к преступлениям, осуществленным для незаконного материального обогащения, причем таким, которые приносят преступнику нетрудовой доход, являющийся для него основным либо дополнительным источником материального обогащения. На это важное обстоятельство указывается в постановлении № 11 Пленума Верховного Суда СССР от 13 декабря 1974 г. «О судебной практике по делам о спекуляции», где сказано, что «под спекуляцией в виде промысла следует понимать такую систематическую деятельность по скупке и перепродаже товаров или иных предметов с целью наживы, которая является для виновного основным или дополнительным источником средств существования»⁵⁸. Аналогичное разъяснение дано Пленумом Верховного Суда СССР в своем постановлении № 3 от 18 апреля 1980 г. «О судебной практике по делам о нарушении правил о валютных операциях»⁵⁹. Исходя из сказанного, мы разделяем мнение авторов, считающих, что совершение преступления в виде промысла характеризуется систематичностью и превращением преступлений в средство извлечения определенной материальной выгоды, служащей основным или дополнительным, постоянным или временным источником дохода⁶⁰.

~~Промысел, как и систематичность, исключает наличие судимости за одно из трех последовательно совершенных преступлений, о чем свидетельствует редакция ч. 2 ст. 153 УК Азербайджанской ССР, устанавливающей основания уголовной ответственности за квалифицированный вид спекуляции. Часть 2 этой статьи относит к квалифицирующим обстоятельствам преступления, в частности, совершение его «в виде промысла... или лицом, ранее осужденным за спекуляцию». Отмеченное также «сближает» такие квалифицирующие обстоятельства, как промысел и систематичность. Эти общие черты нередко обуславливают характеристику конкретных видов преступного промысла путем использования некоторыми авторами термина «систематичность» и указания на извлечение основного либо дополнительного дохода⁶¹. Такая интерпретация интересующих нас норм не может вызвать какие-либо возражения.~~

КВАЛИФИКАЦИЯ ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Обстоятельства, исключающие квалификацию вновь совершенных деяний по признаку повторности

О повторности преступлений можно говорить лишь в том случае, когда и ранее и вновь совершенные деяния обладают признаками состава преступления, т. е. являются самостоятельными преступлениями. Вместе с тем совершение лицом двух и более уголовно наказуемых деяний не всегда влечет квалификацию преступлений как повторных.

Обстоятельства, исключающие квалификацию деяния по признаку повторности преступления, можно дифференцировать на следующие группы: 1) освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, с привлечением их к административной ответственности или с применением мер общественного воздействия и воспитания (освобождение от уголовной ответственности с передачей материалов дела на рассмотрение товарищеского суда, в комиссию по делам несовершеннолетних, освобождение от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки общественной организации или трудовому коллективу — чч. 3 и 4 ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик); 2) истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 41 Основ) или исполнения обвинительного приговора (ст. 42 Основ); 3) издание актов амнистии или помилования (ст. 46 Основ); 4) погашение или снятие судимости (ст. 47 Основ); 5) наступление условий, предусмотренных ч. 2 ст. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, примечанием к ст. 174 УК РСФСР, ч. 3 ст. 171 УК Азербайджанской ССР; примечанием к ст. 218 УК РСФСР, ч. 2 ст. 220 УК Азербайджанской ССР, исключающих привлечение лица к уголовной ответственности. Все указанные обстоятель-

ства могут относиться как к первому, так и последующим деяниям.

Кроме того, не образуют квалифицированной повторности два или более однородных преступления, если об этом прямо не сказано в законе.

Более пристального внимания заслуживает вопрос о том, образует ли совершенное преступление повторность уголовно наказуемого деяния, если лицо, его совершившее, в соответствии с постановлениями ст. 43 Основ было освобождено от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, либо материалы дела были переданы на рассмотрение товарищеского суда или на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних, либо лицо было передано на поруки общественной организации или трудовому коллективу. Освобождение лица от уголовной ответственности в соответствии с названной статьей закона отнюдь не означает, что оно не совершало преступления. Такой вывод основывается на том бесспорном положении, что уголовная ответственность может наступать за совершение преступления; если бы деяние не обладало признаками преступления, то, естественно, не было бы и речи об освобождении от уголовной ответственности. Сказанное непосредственно вытекает из текста ст. 43 Основ, где говорится о совершении лицом преступления определенной тяжести (степени общественной опасности). Применение к соответствующим лицам вместо мер уголовно-правового воздействия мер административного или общественного воздействия не меняет сущности самого деяния, совершенного этими лицами, не превращает преступление в административный или аморальный проступок. По социальному и юридическому содержанию интересующие нас деяния представляют собой преступления, хотя совершившие их лица освобождаются от уголовной ответственности и в соответствии с п. 1 ст. 57 УК РСФСР (п. 1 ст. 53 УК Азербайджанской ССР) признаются не имеющими судимости.

По изложенным соображениям нельзя согласиться с мнением авторов, согласно которому применительно к деяниям, предусмотренным уголовным законом, подлежащим передаче на рассмотрение товарищеских судов, следует говорить не как о преступлении, а как об «особом правонарушении», о своеобразном антиобщественном проступке⁶².

Устанавливая основания освобождения лица от уголовной ответственности, согласно ст. 43 Основ, законодатель исходит из нецелесообразности применения к нему уголовно-правового воздействия, поскольку цель исправления и перевоспитания может быть осуществлена путем применения мер не уголовно-правовых, т. е. административно-правовых или общественных мер воздействия. Изложенное помогает уяснить вопрос о том, можно ли признать преступление повторным при наличии такой ситуации, когда: 1) лицо после освобождения от уголовной ответственности в соответствии со ст. 43 Основ вновь совершило преступление либо 2) после осуждения за преступление то же лицо совершило преступление, повлекшее на основании ст. 43 освобождение его от уголовной ответственности.

Некоторые авторы считают, что в указанных случаях новое преступление, совершенное после освобождения от уголовной ответственности за первое преступление, не может рассматриваться как повторное, поскольку решение следственных или судебных органов об освобождении означает досрочное снятие правовых последствий первого преступления до того, как истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности⁶³. Полагаем, что такая аргументация по данному вопросу не основана на законе. В действующем законодательстве нет указаний на то, что определение суда или постановление следственных органов о прекращении дела и освобождении виновного от уголовной ответственности прекращает действие любых правовых последствий совершенного преступления. Права С. Г. Келина, когда пишет, что даже вынесение обвинительного приговора и отбытие назначенного судом наказания не устраняет в течение срока судимости юридического влияния факта совершенного преступления⁶⁴. В то же время едва ли можно согласиться с ее утверждением, что второе преступление, совершенное лицом, освобожденным от уголовной ответственности по указанным выше основаниям, должно расцениваться как квалифицирующая повторность преступлений. Такой вывод противоречит положениям нашего законодательства. По этим же соображениям мы не можем согласиться и с мнением Н. Ф. Кузнецовой, которая считает, что поскольку меры общественного воздействия, применяемые товарищеским судом, имеют силу в течение года, совершение нового

преступления в течение года после осуждения виновного товарищеским судом, за преступление образует повторность⁶⁵.

Для уяснения затронутых вопросов важно принять во внимание разъяснения постановления № 8 Пленума Верховного Суда СССР от 7 сентября 1978 г. «О практике применения судами мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности в соответствии со статьей 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». «Совершение преступления, за которое лицо освобождено от уголовной ответственности и привлечено к административной ответственности,— говорится в этом постановлении,— не прерывает течения срока погашения судимости за предыдущие преступления и не может служить основанием для квалификации нового преступления как повторного»⁶⁶.

Представляет интерес позиция Верховного Суда СССР, изложенная по вопросу о правовых последствиях совершения лицом нового преступления, когда ранее в связи с совершением аналогичного деяния оно было освобождено от уголовной ответственности с передачей материалов в комиссию по делам несовершеннолетних.

В редакционной статье журнала «Бюллетень Верховного Суда СССР» разъясняется, что суд не может признать подсудимого виновным в повторной краже, если уголовное дело по обвинению этого лица в первой краже было прекращено с передачей материалов в комиссию по делам несовершеннолетних, а постановление о прекращении дела не отменено и первая кража не вменялась в вину при рассмотрении второго дела. Такое разъяснение основано на конституционном положении, согласно которому никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию, иначе как по приговору суда и в соответствии с законом (ст. 160 Конституции СССР). Никакой другой, кроме суда, орган государства, равно как и государственная организация, действующая при участии общественности, никаким своим решением не может констатировать наличие преступления. Поскольку совершение первой кражи не вменялось виновному в вину при рассмотрении судом второго дела и это обстоятельство не исследовалось в судебном заседании с соблюдением норм УПК, в том числе и права подсуди-

мого на защиту, суд не вправе признавать совершенную виновным кражу повторной и квалифицировать содеянное им по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик⁶⁷.

Едва ли может вызвать сомнение, что и переданные на рассмотрение в товарищеский суд материалы в отношении деяния, имеющего признаки преступления, могут быть основаниями для квалификации последующих деяний по признаку повторности лишь тогда, когда товарищеский суд не вынес решения и возвратил материалы соответствующим органам для привлечения лица к уголовной ответственности, а также когда постановление или определение о прекращении дела отменено по основаниям п. «д» ст. 211, ст. ст. 371, 384, 390 УПК РСФСР. При этом обвиняемому вменяется в вину как первое, так и второе преступление⁶⁸. Иными словами, только при условии признания судом лица виновным в совершении предыдущего преступления последующее преступление, если оно не повлекло освобождение лица от уголовной ответственности согласно ст. 43 Основ, может быть квалифицировано как повторное преступление. Если же лицо понесло административную ответственность или к нему были применены меры общественного воздействия и воспитания, то совершенное им деяние не является основанием для квалификации позже совершенного преступления по признаку повторности.

Исключение возможно в том случае, если лицо, переданное на поруки, в течение года (см. ст. 52 УК РСФСР и аналогичные статьи УК других союзных республик, кроме УК Эстонской ССР, где срок два года) не оправдало оказанного ему доверия, общественной организацией или трудовым коллективом принято решение об отказе от поручительства, а судом назначено наказание, то первоначально совершенное деяние должно стать основанием для признания позже совершенного преступления повторным. В последнем случае признание повторности деяния вытекает из того, что: 1) передача на поруки осуществляется с указанием на определенные условия его поведения после освобождения от уголовной ответственности; 2) деяние явилось предметом обсуждения суда, признавшего лицо, совершившего это деяние, виновным в преступлении.

Исходя из социального содержания института повторности преступлений, отражающего уголовную политику

Советского государства в отношении лиц, упорно не желающих соблюдать требования уголовного законодательства, обнаруживающих в повторности свою антиобщественную ориентацию, такой подход к трактовке рассматриваемого вопроса, как мы полагаем, является правильным.

Законодательное решение о сроках давности привлечения к уголовной ответственности, а также исполнения обвинительного приговора и погашения судимости, исключающих правовые последствия совершенного деяния, основано на учете криминогенных факторов, свидетельствующих о том, что лицо утратило такое свойство, как общественная опасность, обнаружившееся ранее при совершении преступления. Другими словами, истечение указанных в законе сроков (ст.ст. 41, 42, 47 Основ уголовного законодательства) позволяет презюмировать утрату лицом общественной опасности. Например, при погашении судимости об утрате лицом общественной опасности свидетельствует тот факт, что оно не совершало в установленный законом срок иных преступлений. Аналогичные соображения положены в основу решения вопроса о снятии судимости: основанием снятия судимости является установление в результате судебного рассмотрения того, что лицо примерным поведением и честным отношением к труду доказало свое исправление.

Заметим, что законодатель допускает освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности не только при несовершении любого преступления, но и при совершении в этот промежуток времени нового преступления, наказуемого согласно закону лишением свободы на срок до двух лет (ст. 41 Основ уголовного законодательства). «В этом случае,— справедливо замечает С. Г. Келина,— виновный не перестает быть общественно опасным, хотя можно говорить о таком снижении степени его общественной опасности, при котором законодатель находит возможным ограничиться привлечением лица к уголовной ответственности только за новое преступление, освободив его от уголовной ответственности за преступление, совершенное прежде»⁶⁹. Аналогичные соображения можно высказать и в отношении указаний ст. 42 Основ, определяющей, что течение давности исполнения приговора прерывается, если осужденный совершит до истечения установленных законом сроков новое преступление, за которое судом на-

значено наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года, ссылка или высылка на срок не менее трех лет.

Говоря об обстоятельствах, исключающих повторность в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности и исполнения обвинительного приговора, погашения и снятия судимости в установленном законом порядке, следует отметить, что каждое из них может иметь самостоятельное значение при решении вопроса об усилении ответственности за квалифицированную повторность. Поэтому при определении наличия или отсутствия повторного преступления важно выяснить, сохранилось ли хотя бы одно из названных выше обстоятельств, погашающих правовые последствия преступлений.

Принципиальное значение для решения вопроса об истечении срока давности привлечения к уголовной ответственности или исполнения обвинительного приговора, а также погашения и снятия судимости имеет разъяснение Пленума Верховного Суда СССР применительно к делам об изнасиловании. В постановлении № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» (в ч. 2 п. 7) разъяснено, что изнасилование не может быть признано повторным, если судимость за ранее совершенное изнасилование с виновного снята в порядке амнистии или помилования либо погашена или снята в установленном законом порядке, а также если к моменту совершения второго изнасилования истекли сроки давности уголовного преследования за ранее совершенное преступление или сроки исполнения обвинительного приговора, указанные в ст. ст. 41 и 42 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик⁷⁰.

Как уже отмечалось, освобождение от уголовной ответственности и наказания может иметь место в силу акта амнистии, являющегося государственно-правовым актом. Он издается, как правило, в связи с каким-то исторически значимым в жизни страны событием и свидетельствует о великодушии, гуманности государства, которое, освобождая от уголовной ответственности или дальнейшего отбывания наказания или от последствий отбытого наказания, прощает прошлое антиобщественное поведение определенной категории преступников. Государство дает этим понять, что оно верит этим людям, на-

деется, что они поймут акт великодушия со стороны государства и ответят на него своим добросовестным отношением к труду, закону, не позволят себе приносить впредь вред обществу и его членам. В силу приведенных доводов к обстоятельствам, исключающим повторность преступлений, следует отнести и освобождение от уголовной ответственности по амнистии, независимо от истечения установленных законом сроков привлечения к уголовной ответственности, исполнения обвинительного приговора или погашения судимости.

По аналогичным соображениям исключает повторность преступления акт помилования.

К числу обстоятельств, исключающих ответственность за повторное преступление, относятся условия, предусмотренные ч. 2 ст. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (п. «б» ст. 64 УК РСФСР, ч. 2 ст. 57 УК Азербайджанской ССР), примечанием к ст. 174 УК РСФСР (ч. 3 ст. 171 УК Азербайджанской ССР) и примечанием к ст. 218 УК РСФСР (ч. 2 ст. 220 УК Азербайджанской ССР).

Во всех этих предусмотренных законом случаях лицо должно активным поведением доказать, что совершенное преступление не было злым, носило скорее случайный характер, было результатом каких-то внешних обстоятельств, не подвергнутых критической оценке. Например, в случае незаконного хранения огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ лицо должно добровольно сдать названные предметы и тем самым показать, что осознало общественно опасный характер своих действий и раскаивается в этом.

Более активным следует быть позитивному поведению виновного лица в случаях, когда последнее было завербовано иностранной разведкой или дало взятку. Завербованному или взяточдателю надо не только осознать тяжесть содеянного, но и проявить реальное стремление пресечь преступление, воспрепятствовать наступлению вредных последствий. В указанных случаях лица, совершившие преступления, активными действиями должны доказать отсутствие общественной опасности своей личности, исключающей привлечение их к уголовной ответственности.

Совершение двух и более аналогичных преступлений при отсутствии обстоятельств, указанных выше, всегда образует специальную повторность преступлений, одна-

ко она не всегда относится законодателем к числу квалифицирующих обстоятельств. Еще реже закон признает квалифицирующей повторностью однородные преступления. При этом законодатель учитывает степень общественной опасности, характер и степень близости однородных преступлений; в рамках однородности отдельные преступления по степени общественной опасности и «родственности» могут заметно различаться, например кража личного имущества граждан и бандитизм, связанный с хищением социалистического имущества. В этой связи законодатель в некоторых случаях в тексте самой уголовно-правовой нормы исключает повторность при совершении ряда однородных преступлений, которые, согласно другим статьям УК, образуют повторность. Так, закон исключает возможность квалификации содеянного по признаку повторности предшествующее совершение мелкого хищения государственного или общественного имущества, а затем хищение такого же имущества в значительном размере или похищение личного имущества граждан (примечания к ст. 89 и к ст. 144 УК РСФСР; ч. 4 ст. 83 и ч. 4 ст. 143 УК Азербайджанской ССР).

§ 2. Квалификация преступлений по признаку повторности

Решение вопросов квалификации повторности преступлений правоохранительными органами зависит, во-первых, от характера деяний, в которых выразилась повторность, во-вторых, от содержания уголовно-правовых норм, регламентирующих вопросы ответственности за повторные преступления. В процессе квалификации органы следствия, прокуратуры и суд выявляют фактические обстоятельства дела, определяют уголовно-правовую норму, подлежащую применению, принимают решение по существу, которое оформляется в виде официального акта, дающего юридическую оценку содеянному.

В ряде случаев статьи Особенной части уголовного законодательства не предусматривают повторность преступлений в числе квалифицирующих обстоятельств, и тогда она в соответствии с п. 1 ст. 39 УК РСФСР может влечь усиление ответственности в рамках санкций соответствующей статьи (или ее части) Особенной части.

В указанных случаях факт повторности принимается во внимание для оценки степени тяжести содеянного и общественной опасности личности виновного, но на квалификацию деяний влияния он не оказывает. Юридическая квалификация здесь ничем не отличается от квалификации соответствующего преступления, совершенного впервые.

Иначе обстоит дело, когда закон, усиливая наказуемость повторности тождественных преступлений, предусматривает ее в числе квалифицирующих обстоятельств. Как уже отмечалось, квалифицированная повторность охватывает и случаи специального рецидива. При таком рецидиве, если отсутствуют иные квалифицирующие обстоятельства, предусмотренные другой статьей или частью статьи, деяние квалифицируется, только по той статье или части статьи Особенной части, которая устанавливает ответственность лица при повторности совершения такого же преступления (например, повторное изготовление, хранение и сбыт спиртных напитков домашней выработки — ч. 4 ст. 158 УК РСФСР, ч. 2 ст. 155 УК Азербайджанской ССР) или при ее разновидности — специальном рецидиве (например, злостное хулиганство, предусмотренное ч. 2 ст. 206 УК РСФСР, ч. 2 ст. 207 УК Азербайджанской ССР; обман покупателей и заказчиков, совершенный лицом, ранее судимым, предусмотренный ч. 2 ст. 156 УК РСФСР, ч. 2 ст. 154 УК Азербайджанской ССР). В указанных случаях в судебно-прокурорской деятельности каких-либо затруднений, связанных с квалификацией содеянного, как правило, не возникает. Встречающиеся ошибки и неточности, приводящие к неправильной квалификации преступлений, обусловлены в большинстве случаев поверхностным установлением фактических обстоятельств и как следствие этого необоснованным отнесением деяний к тождественным.

В основном единая практика квалификации преступлений отмечается и в ситуациях, когда в качестве квалифицирующего обстоятельства при повторности закон предусматривает наличие определенных видов однородных преступных деяний, чему способствуют некоторые разъяснения Пленума Верховного Суда СССР применительно к конкретным категориям преступлений. Так, в постановлении № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о

хищениях государственного и общественного имущества» указывается, что хищение следует считать повторным во всех случаях, когда лицо ранее совершило одно из преступлений, указанных в примечании к ст. 89 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик⁷¹. Правильному применению закона способствует разъяснение, данное в постановлении № 2 Пленума Верховного Суда СССР от 12 января 1973 г. «О судебной практике по делам об изготовлении, сбыте, хранении крепких спиртных напитков домашней выработки», где говорится: «Судам необходимо иметь в виду, что изготовление крепких спиртных напитков домашней выработки и аппаратов для их выработки без цели сбыта и те же действия с целью сбыта, а равно их сбыт (в любой последовательности) не образуют признака повторности, предусмотренного чч. 2 или 4 ст. 158 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик. В указанных случаях действия виновных надлежит квалифицировать по совокупности совершенных преступлений»⁷². В соответствии с указанием постановления № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 26 сентября 1975 г. «О судебной практике по делам о хищении наркотических веществ, незаконном изготовлении и распространении наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ», хищение наркотических веществ и их последующее хранение, перевозка, пересылка с целью сбыта или без таковой, а равно сбыт надлежит квалифицировать по совокупности этих преступлений. В таких случаях действия виновного не образуют признака повторности, предусмотренного чч. 2 и 4 ст. 224 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик⁷³.

Четкому отграничению случаев квалифицированной повторности хищения огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, предусмотренной ч. 2 ст. 218¹ УК РСФСР (ч. 2 ст. 220-1 УК Азербайджанской ССР), от сходных сочетаний преступлений при повторности помогают разъяснения, содержащиеся в п. 10 постановления № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 20 сентября 1974 г. «О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, незаконном ношении, хранении, приобретении, изготовлении или сбыте оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и небрежном хране-

нии огнестрельного оружия», где сказано: «Ранее совершенное хищение другого имущества (не огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ.— Т. К.) не образует признака повторности, предусмотренного ст. 218¹ и соответствующими статьями УК других союзных республик, если иное не установлено законодательством союзной республики»⁷⁴.

В тех случаях, когда повторность как квалифицирующее обстоятельство образуют однородные деяния, за которые субъект не был ранее осужден, органы прокуратуры и суд, как правило, квалифицируют преступления по совокупности уголовно-правовых норм*. Указанный порядок применяется, в частности, при повторности хищений социалистического и личного имущества граждан, если они совершены в разных формах (например, хищение государственного или общественного имущества путем грабежа и мошенничества) либо если хищения хотя и совершены аналогичным способом, но посягают на различные формы собственности (например, кража государственного имущества и кража личного имущества граждан). Такая практика, на наш взгляд, является правильной. Она основана на том, что в рассматриваемых ситуациях квалификация лишь по одной статье (или ее части), предусматривающей повторность в числе квалифицирующих признаков состава преступлений, не охватывала бы содеянного полностью, а поэтому была бы неправильной по существу. Действительно, квалификация, к примеру, случаев хищения путем кражи, совершенного после мошенничества, в сущности не означает повторности кражи, т. е. совершения двух краж. Указанная особенность должна найти отражение и в юридической квалификации совершенных преступлений. Ошибочным является и квалификация однородных преступлений (когда их сочетание в действиях одного и того же лица образует повторность) самостоятельно по статьям или частям (пунктам) статей УК, предусматривающим ответственность за неквалифицированные виды соответствующих преступлений. Такой позиции последовательно придерживается и судебная практика.

* Вопросы квалификации деяний, когда однородные преступления не образуют согласно прямому указанию закона повторности, а являются реальной совокупностью преступлений, как выходящие за рамки настоящей работы, нами не рассматриваются.

Бережнов вместе с Майор похитил из самолета четыре посылки стоимостью 73 руб. Спустя шесть месяцев Бережнов, будучи в нетрезвом состоянии, совершил ограбление десятилетней девочки, вырвав у нее из рук 10 руб. Народным судом его действия были квалифицированы по совокупности — по ч. 2 ст. 89, так как хищение совершено в соучастии, и ч. 1 ст. 145 УК РСФСР. Президиум Хабаровского краевого суда признал неправильным применение ч. 1 ст. 145 УК РСФСР, поскольку грабеж должен рассматриваться как повторное преступление⁷⁵.

Правильность квалификации повторности, складывающейся из однородных преступлений, по совокупности уголовно-правовых норм обоснована и в уголовно-правовой литературе. Ряд авторов отмечают, что в тех случаях, когда повторность образуют преступления нетождественные, иаилицо и повторность (так как сам закон придает им значение повторности), и совокупность (поскольку каждое из преступлений предусмотрено самостоятельной статьей или частью статьи УК)⁷⁶.

По изложенным выше соображениям хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, совершенное любым способом, кроме разбойного нападения, а затем путем разбоя, равно как совершенное в обратной последовательности, должно квалифицироваться по совокупности частей (чч. 2 и 3 ст. 218¹ УК РСФСР), т. е. как повторное и совершенное путем разбоя. Такой же, видимо, должна быть квалификация, если имели место два одновременно совершенных хищения путем разбойного нападения. В противном случае, т. е. при квалификации только ч. 3 ст. 218¹ УК РСФСР, сочетание преступлений при повторности, характеризующее более высокую общественную опасность содеянного и личности виновного, могло бы привести к неосновательному снижению строгости ответственности лица. К сожалению, вопрос о квалификации повторности в приведенных сочетаниях преступлений не нашел достаточного разъяснения в постановлении № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 20 сентября 1974 г. «О судебной практике по делам о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, незаконном ношении, хранении, приобретении, изготовлении или сбыте оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ и небрежном хранении огнестрельного ору-

жия». Между тем едва ли может вызвать сомнение целесообразность такого разъяснения.

Серьезного внимания заслуживают вопросы квалификации повторности одинаковых преступлений, предусмотренной в числе отягчающих признаков состава преступления, когда виновное лицо ранее не было осуждено за эти деяния. Применительно к делам различной категории вопросы квалификации этих случаев повторности в практике судебно-прокурорских органов решаются неодинаково. Так, по делам о хищениях социалистического или личного имущества органы прокуратуры и суд применяют (при отсутствии других квалифицирующих признаков) лишь одну уголовно-правовую норму, устанавливающую повышенную ответственность при повторности преступлений.

Аналогично квалифицируется повторное совершение тождественных преступлений, предусмотренное, например, ч. 2 и ч. 4 ст. 158, ч. 2 ст. 163, ч. 2 ст. 173, ч. 2 ст. 174, ч. 2 ст. 174¹, ч. 2 ст. 218 УК РСФСР (ч. 2 и ч. 4 ст. 155, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 170, ч. 2 ст. 171, ч. 2 ст. 170-1, ч. 2 ст. 220-1 УК Азербайджанской ССР), когда виновное лицо не было осуждено за ранее совершенное преступление*.

В то же время по некоторым категориям дел органы прокуратуры и суд квалифицируют повторное совершение одинаковых преступлений по правилам квалификации совокупности преступлений, т. е. каждое преступление самостоятельно, причем второе преступление — по норме Особенной части УК, предусматривающей повторность в качестве квалифицирующего обстоятельства. Следует отметить, что в ряде постановлений Пленума Верховного Суда СССР, посвященных вопросам судебного рассмотрения некоторых категорий уголовных дел, имеется достаточно устойчивая позиция высшего судебного органа по интересующим нас вопросам. Так, в постановлении № 21 Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» указывается: «При совершении двух и более изнасилований, ответственность за которые пред-

* Некоторые из перечисленных статей УК РСФСР предусматривают как квалифицирующее обстоятельство неоднократность совершения преступлений, которая охватывается, как было показано выше, понятием повторности уголовно наказуемых деяний.

усмотрена различными частями ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, а также при совершении в одном случае покушения на изнасилование или соучастия в этом преступлении, а в другом — оконченного изнасилования действия виновного по каждому из указанных преступлений должны квалифицироваться самостоятельно»⁷⁷. В постановлении № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 26 сентября 1975 г. «О судебной практике по делам о хищении наркотических веществ, незаконном изготовлении и распространении наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ», где, обращая внимание судов на необходимость выяснения для правильной квалификации наличия или отсутствия цели сбыта при хищении наркотических веществ, Пленум подчеркнул: «При установлении, что хищение этих веществ совершено для их последующего сбыта, действия виновного надлежит квалифицировать дополнительно (подчеркнуто нами.— Т. К.) и как приготовление к преступлению, предусмотренному ч. 1 или 2 ст. 224 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик»⁷⁸.

В этом отношении представляет интерес и постановление № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве». Согласно п. 13 постановления ответственность за повторное умышленное убийство или за покушение на него наступает независимо от того, совершил ли виновный ранее убийство либо покушение на него, был ли он исполнителем или соучастником этого преступления.

Исходя из приведенных выше разъяснений Пленума Верховного Суда СССР по различным категориям уголовных дел, можно сделать следующий вывод: высший судебный орган страны ориентирует суды квалифицировать повторные одинаковые уголовно наказуемые деяния, когда лицо не было осуждено за них ранее, по правилам квалификации при совокупности преступлений, если повторность охватывает неоконченное преступление, а в некоторых случаях совершение преступления в соучастии и оконченное преступление. По делам об умышленных убийствах указанный порядок рекомендуется и при двух оконченных преступлениях. Полагаем, что такая же рекомендация вытекает из постановления № 3 Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1981 г. «О практике назначения наказания при совершении не-

скольких преступлений и по нескольким приговорам». В п. 2 названного постановления говорится, что правила назначения наказания, предусмотренные ст. 40 УК РСФСР, применяются как в случаях квалификации деяний по различным статьям Особенной части УК, так и по отдельным частям либо пунктам одной статьи кодекса, когда такие части или пункты предусматривают самостоятельные составы преступлений и имеют свои санкции. По этим же правилам должно назначаться наказание в случаях совершения виновным лицом действий, из которых одни квалифицированы как оконченное преступление, а другие — как приготовление, покушение или соучастие в таком же преступлении⁷⁹.

Иное решение в рассматриваемой ситуации предлагается в уголовно-правовой литературе. Некоторые авторы считают, что тождественные преступления, образующие квалифицированную повторность, охватываются одной статьей УК или ее частью, поскольку здесь имеет место повторность, не совпадающая с совокупностью, например, две последовательно совершенные «простые» кражи государственного имущества подлежат квалификации не по совокупности, а только по ч. 2 ст. 89 УК РСФСР⁸⁰. Другие авторы, соглашаясь с этим, однако, полагают, что если второе из этих преступлений является неоконченным, то содеянное следует квалифицировать по совокупности статей, предусматривающих ответственность за оконченное единичное деяние и покушение на повторное преступление (например, при мошенничестве — по ч. 1 ст. 147 и по ст. 15, ч. 2 ст. 147 УК РСФСР)⁸¹.

Нам представляется, что нельзя по-разному решать вопрос о возможности квалификации содеянного в рассматриваемых случаях в зависимости от того, является или нет одно из составляющих повторность преступлений неоконченным. С точки зрения оснований уголовной ответственности состав оконченного преступления и состав покушения на преступление, как и состав приготовления к преступлению, равнозначны. Статьи 15 и 17 Основ уголовного законодательства устанавливают единые основания ответственности за приготовление к преступлению и за покушение на преступление, а также для исполнителей и других соучастников преступлений. Признавая правильность квалификации по совокупности в случаях, когда имеет место повторность, образуемая не-

оконченным и оконченным преступлениями, тем более следует признать обоснованность квалификации по этим же правилам повторности, охватывающей оконченные преступления. Если придерживаться приведенной выше рекомендации, то в случаях повторности, включающей в себя неоконченное преступление (приготовление или покушение), создается положение, влекущее, согласно ст. 35 Основ, возможность усиления наказания за содеянное⁸², а при повторности оконченных преступлений, которая при прочих равных условиях представляет более высокую общественную опасность, условия наказуемости по сравнению с первой ситуацией смягчаются. Нелогичность такого решения вопроса не требует специального доказывания. Поэтому решение вопроса в указанных случаях должно быть единым — повторность должна квалифицироваться по двум уголовно-правовым нормам. К такому выводу приводят и соображения другого порядка. Повторность преступлений — не механическая сумма двух и более составляющих ее преступлений. Она — новое образование, и именно это и обусловило выделение в законе специального института повторности преступлений. Не случайно истечение давностных сроков, сроков погашения судимости, совершение разнородных преступлений и другие, указанные в параграфе втором настоящей главы обстоятельства исключают повторность как определенное социально-правовое явление. В сущности второе преступление в рассматриваемых случаях такое же по виду, что и первое. Однако по содержанию некоторых признаков первое и повторное преступления обладают известным различием. Имеется в виду прежде всего содержание субъективной стороны, охватывающей сознание лицом факта совершения **нового** уголовно наказуемого деяния при **наличии ранее совершенного преступления**, желание совершить это **новое преступление** (при умышленных деяниях, среди которых чаще всего и фигурирует такой квалифицирующий признак, как повторность). Соответственно различаются и составы преступлений, предусмотренные уголовно-правовыми нормами о «простом» и квалифицированном видах определенных преступлений*, т. е. эти со-

* Рассматривая вопрос о квалификации повторного умышленного убийства, предусмотренного п. «и» ст. 102 УК РСФСР, С. В. Бородин справедливо подчеркивает, что при решении его нельзя не

ставы не тождественны, а поэтому и не исключают квалификации применительно к правилам о совокупности преступлений*.

Для квалификации рассматриваемых случаев повторности применительно к правилам о квалификации совокупности уголовно-наказуемых деяний имеются и формальные основания — наличие двух статей УК (или ее частей — пунктов), одна из которых устанавливает ответственность за единичное деяние, например ч. 1 ст. 83 УК Азербайджанской ССР, а вторая — за повторность (ч. 2 той же статьи).

С учетом самого понятия повторности и соотношения ее с совокупностью в рассматриваемых случаях имеет место и повторность (предусмотренная в нашем примере ч. 2 ст. 83 УК Азербайджанской ССР), и реальная совокупность, поскольку первое и повторное преступления предусмотрены разными уголовно-правовыми нормами и полная юридическая характеристика всему содеянному может быть дана при условии применения и ч. 1 ст. 83 УК и ч. 2 этой статьи. Названные условия адекватного отражения в квалификации юридически значимых признаков совершенных деяний и явились, на наш взгляд, основанием приведенных выше разъяснений Пленума Верховного Суда СССР. Высказанные ранее соображения в полной мере можно отнести и к повторности, включающей в себя оконченное преступление, приготовление к преступлению или покушение на него. Поэтому, думается, нельзя признать правильной практику применения судами при указанной ситуации лишь одной части статьи УК, предусматривающей в качестве отягчающего признака состава повторность преступления. В таком случае неоконченное преступление, не связанное с завершенным деянием, не получает отражения в квалификации.

учитывать формулировку закона. В п. «и» ст. 102 УК РСФСР, как он пишет, говорится об умышленном убийстве, совершенном лицом, ранее совершившим умышленное убийство, т. е. речь идет о новом убийстве, а предыдущее упоминается лишь как отягчающее обстоятельство (см.: Бородин С. В. Квалификация убийства по действующему законодательству. М., 1966, с. 73).

* «Тождественные составы преступлений, — отмечает В. Н. Кудрявцев, — не могут образовать совокупности преступлений. Это относится и к составам с альтернативными признаками» (Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 311).

В известной мере такого рода неточности квалификации можно объяснить отсутствием соответствующего разъяснения в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР о судебной практике по делам о хищениях социалистической собственности. Между тем наличие единого мнения при квалификации преступлений в указанных ситуациях обуславливает потребность в такого рода разъяснениях. Возможно и другое, более оптимальное, на наш взгляд, решение — принятие Пленумом Верховного Суда СССР постановления, специально посвященного вопросам применения уголовного законодательства по делам о повторных преступлениях. Помимо указанных вопросов в нем было бы целесообразным осветить общие правила квалификации повторных преступлений, содержащих отягчающие признаки, которые предусмотрены различными статьями или разными частями одной и той же статьи УК. Хотя применительно к делам об убийстве, изнасиловании и автотранспортных преступлениях такого рода разъяснения Верховным Судом даны, тем не менее, поскольку эти вопросы возникают и по другим категориям уголовных дел, представляется целесообразным осветить их с более общих позиций, не ограничиваясь отдельными категориями дел.

Рассмотренные выше вопросы квалификации неоднократно совершенных тождественных или однородных преступлений являются составной частью более широкого круга вопросов о квалификации нескольких одноименных преступлений, совершенных при наличии неодинаковых квалифицирующих признаков, предусмотренных разными статьями или частями одной и той же статьи уголовного законодательства.

В литературе по этим вопросам были высказаны различные мнения. Так, Г. В. Тимейко применительно к квалификации хищений социалистического имущества пишет, что там, где одновременно есть признак повторности и крупный размер похищенного, квалифицирующее значение принадлежит более тяжкому признаку, т. е. ущербу в крупных размерах. Он может быть причинен не только единичным, но и неоднократно хищениями⁸³. По мнению В. А. Владимирова, если содеянное характеризуется несколькими квалифицирующими признаками (например, кража, совершенная повторно и с применением технических средств), то при квалификации деяний приоритет должен быть отдан наиболее опасному

из квалифицирующих признаков. Так, мошенничество, причинившее значительный ущерб потерпевшему, более опасно, чем повторное мошенничество, а грабеж, субъектом которого является особо опасный рецидивист, — более опасен, чем совершенный повторно⁸⁴.

Указанными авторами решение вопроса осуществляется на основе правил, связанных с конкуренцией норм. Однако представляется, что квалификацию таких сочетаний разновидностей одного и того же преступления надлежит осуществлять в соответствии с правилами о совокупности преступлений, ибо, как справедливо отмечает В. Н. Кудрявцев, «реальную совокупность образуют и разновидности одного и того же состава»⁸⁵. Говоря иначе, повторность преступлений, которая образуется «простыми» (без отягчающих и смягчающих обстоятельств), квалифицированными (с отягчающими признаками) и привилегированными (со смягчающими обстоятельствами) составами преступлений, должна квалифицироваться с указанием статьи или части статьи УК, предусматривающих ответственность за каждое из образующих повторность преступлений. При такой квалификации достаточно точно и с необходимой полнотой отражается совокупность всех совершенных преступлений, степень общественной опасности личности виновного, а это в свою очередь позволяет правильно индивидуализировать наказание, обосновать степень строгости избрания судом уголовно-правовых мер воздействия за содеянное. По указанным соображениям мы разделяем мнение В. Н. Кудрявцева, когда он, справедливо признавая возможность проявления реальной совокупности в виде двух и более разновидностей одного и того же состава, в частности, отмечал, что кража с применением технических средств и кража в крупных размерах, совершенные в разное время, влекут ответственность по двум частям ст. 89 УК РСФСР⁸⁶. В то же время едва ли можно признать последовательным его утверждение, согласно которому две кражи — одна с применением технических средств, а другая, совершенная по предварительному сговору, — следует квалифицировать по ч. 2 ст. 89 УК РСФСР по признаку повторности⁸⁷. Точнее будет указать здесь на все три признака (повторность, применение технических средств и предварительный сговор группы лиц), предусмотренные ч. 2 ст. 89 УК РСФСР.

Правильную позицию по рассматриваемому вопросу, по нашему мнению, занимает С. В. Бородин, который считает, что если лицо, совершившее два убийства (за исключением преступлений, предусмотренных ст.ст. 104 и 105 УК РСФСР), ни за одно из них не было осуждено, то последнее из них надлежит квалифицировать как повторное по п. «и» ст. 102 УК РСФСР (п. 8 ст. 94 УК Азербайджанской ССР), а ранее совершенное убийство — самостоятельно⁸⁸. При этом справедливо подчеркивается, что квалификация всего содеянного при повторности однородных посягательств на жизнь по статье, предусматривающей совершение только умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах, не раскрывает полной картины всей преступной деятельности лица и в силу этого может вызвать непонимание вывода о наказании*. Приведенная позиция соответствует разъяснениям постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве», в котором сказано: «Если виновный не был осужден за ранее совершенное убийство или покушение на него, то это его деяние подлежит самостоятельной квалификации; а последнее преступление в зависимости от того, окончено оно или нет, следует квалифицировать по п. «и» ст. 102 либо по ст. 15 и п. «и» ст. 102 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик»⁸⁹. На такую же в сущности квалификацию ориентирует суды п. 15 названного постановления, согласно которому умышленное убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных в двух и более пунктах ст. 102 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик, должно квалифицироваться по всем этим пунктам⁹⁰. Аналогичное разъяснение дано Пленумом Верховного Суда СССР в постановлении № 2 от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании»⁹¹. На необходимость самостоятельной квалификации нескольких случаев хулиганства, ответственность за которые предусмотрена различными частями ст. 206 УК РСФСР

* С этим мнением не согласна Г. Л. Кригер, которая полагает, что в указанных случаях все содеянное охватывается содержанием п. «и» ст. 102 УК РСФСР (см.: Курс советского уголовного права. Т. 3. М., 1970, с. 158).

и соответствующих статей УК других союзных республик, обращено внимание в п. 22 постановления № 9 Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве»⁹². Аналогичные рекомендации даются и в постановлении № 11 Пленума Верховного Суда СССР от 6 декабря 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях». В п. 8 этого постановления сказано: «По совокупности преступлений деяния с указанными различными последствиями (предусмотренными разными частями ст. 211 УК РСФСР и соответствующих статей УК других республик.— Т. К.) должны квалифицироваться в тех случаях, когда они совершены в разное время и наступившие последствия являлись результатом нескольких взаимно не связанных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств»⁹³.

В приведенных разъяснениях речь идет о квалификации преступлений, затрагивающих интересы охраны личности, общественного порядка и общественной безопасности. В разъяснениях наблюдается общая линия, которой придерживается Верховный Суд СССР в сходных ситуациях. В этой связи сформулированные в них положения можно распространить на квалификацию повторности и других категорий преступлений.

В пользу предлагаемого решения изложенных вопросов говорят и соображения, основанные на учете квалификации повторности, когда образующие ее преступления совершены на территории различных союзных республик.

В соответствии со ст. 4 Основ уголовного законодательства все лица, совершившие преступления на территории СССР, подлежат ответственности по уголовным законам, действующим в месте совершения преступления. Вынесение судом приговора на основании УК союзной республики, на территории которой совершено преступление, а не УК той республики, в которой рассматривается дело, выражает принципиальное единство всего советского уголовного законодательства, равноправие союзных республик, уважение и суверенитет каждой союзной республики. Вследствие этого при совершении лицом нескольких самостоятельных преступлений, в том числе тождественных и однородных, на территории двух

или более союзных республик каждое из совершенных преступлений следует квалифицировать отдельно по закону той союзной республики, в которой оно совершено. Наказание в таких случаях определяется согласно правилу, установленному ст. 35 Основ. В тех случаях, когда совершены два одинаковых или однородных преступления, предусмотренные в числе квалифицирующих обстоятельств, причем первое из преступлений совершено на территории одной, а второе — на территории другой союзной республики, действуют те же правила, причем последнее преступление квалифицируется поотягчающей ответственности части статьи УК той союзной республики, в которой оно было совершено. Для наглядности приведем такой пример. Гражданин С., находясь в аэропорту г. Владивостока, тайно похитил чемодан с вещами на сумму 2000 руб. Спустя четыре месяца, находясь в г. Баку и проживая в гостинице, С. совершил там кражу дамского костюма и кофточки на сумму 150 руб. Действия С. должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР (как кража, причинившая значительный ущерб потерпевшей) и ч. 2 ст. 143 УК Азербайджанской ССР (как повторная кража).

Такое решение вопроса соответствует п. 15 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества», разъясняющему, что совершенные одним и тем же лицом в различных союзных республиках хищения, ни за одно из которых он не был осужден, подлежат квалификации по соответствующим статьям УК той союзной республики, на территории которой было совершено каждое из преступлений, с учетом их повторности⁹⁴.

Такая практика соответствует закону (ст. 4 Основ); она достаточно полно отражает в квалификации фактически совершенные преступления и способствует индивидуализации ответственности виновных лиц. Отмеченное тем более важно, что диспозиции и санкции норм Особенной части уголовных кодексов союзных республик, предусматривающих ответственность за одноименные преступления, не всегда по содержанию совпадают.

Кроме того, в действующем уголовном законодательстве некоторых союзных республик встречаются нормы Особенной части, которые отсутствуют в УК других союзных республик. Так, в УК Казахской ССР имеется

ст. 86, которая предусматривает ответственность за преступно-небрежное или жестокое обращение со скотом. Часть вторая названной статьи устанавливает в числе квалифицирующих обстоятельств систематичность названных действий. В этой связи в ряде случаев одни и те же действия могут получить различную квалификацию в зависимости от того, были ли они осуществлены на территории одной или нескольких союзных республик. Представим себе, что лицо трижды на территории РСФСР было изобличено в жестоком обращении со скотом, повлекшем гибель последнего. На территории этой союзной республики оно не может быть привлечено к уголовной ответственности и осуждено. Оказавшись на территории Казахской ССР, это лицо вновь совершило указанное действие. В таком случае оно может быть привлечено к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 86 УК Казахской ССР, а не по ч. 2 той же статьи, так как в действиях субъекта, совершенных на территории Казахской ССР, не было систематичности. Последняя имела бы место, если бы субъект совершил все указанные действия на территории Казахской ССР.

Правила квалификации повторных преступлений, совершенных на территории разных союзных республик*, не получили прямого закрепления в уголовно-правовых нормах. Судебная практика решает эти вопросы, исходя из общего положения, сформулированного в ст. 4 Основ. Между тем, как нам представляется, принципиальная значимость их определяет необходимость более обстоятельного и конкретизированного законодательного оформления. Необходимость такого решения обусловлена и тем, что редакция ряда действующих постановлений уголовных кодексов союзных республик не в полной мере

* Б. А. Куринов считает, что в этих случаях имеет место реальная совокупность преступлений (см.: Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1976, с. 171). Оспаривая правильность такого мнения, И. С. Тишкевич отмечает, что случаи совершения виновным преступлений одного и того же вида на территории разных республик нельзя оценивать как совокупность преступлений, поскольку те же преступления, если они совершены в одной и той же союзной республике, рассматриваются как повторные (см.: Тишкевич И. С. Совокупность преступлений (вопросы квалификации). — Правоведение, 1979, № 1, с. 54). Полагаем, что в данном случае правильнее говорить о повторности, квалификация которой осуществляется применительно к правилам о совокупности преступлений.

учитывает положения, вытекающие из ст. 4 Основ. Так, ч. 4 ст. 83 и ч. 4 ст. 143 УК Азербайджанской ССР, предусматривая варианты сочетаний преступлений, образующих повторность различных форм хищений социалистического имущества и личного имущества граждан, указывает лишь на соответствующие статьи УК Азербайджанской ССР. Однако, как это было показано выше, упомянутую повторность могут образовать аналогичные преступления, предусмотренные соответствующими статьями УК и других союзных республик. Нет соответствующих указаний и в других действующих уголовно-правовых нормах, регулирующих ответственность за повторность преступлений.

Четкость квалификации в значительной мере зависит от конструкции уголовно-правовой нормы, которая должна быть сформулирована таким образом, чтобы представить оптимальную возможность достаточно полно отразить при квалификации фактическое положение. Однако с этой точки зрения не все нормы Особенной части уголовного законодательства отвечают указанному требованию. В некоторых нормах, устанавливающих повышенную ответственность за преступление, совершенное при квалифицирующих обстоятельствах, содержится несколько таких признаков. Таким образом сконструирована, например, ч. 2 ст. 90 УК РСФСР (ч. 2 ст. 84 УК Азербайджанской ССР), где указывается на грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, либо совершенный по предварительному сговору группой лиц либо повторно. В связи с этим наличие, скажем, двух из этих обстоятельств в преступном поведении лица лишает следственные органы и суд возможности достаточной четкостью отразить в квалификации, при каких именно из всех перечисленных в уголовно-правовой норме отягчающих обстоятельствах были совершены преступления, входящие в повторность. Поэтому представляется предпочтительным формирование норм, содержащих квалифицирующие признаки, с указанием конкретных пунктов, каждый из которых предусматривал бы отдельный квалифицирующий признак состава преступления. Подобным образом сконструированы отдельные нормы Особенной части действующих уголовных кодексов союзных республик: ст. 102 УК РСФСР, ст. 146 УК РСФСР, ст. 94 УК Азербайджанской ССР и др.

При рассмотрении вопросов, связанных с совершенствованием некоторых уголовно-правовых норм, регулирующих ответственность за повторные преступления, следует обратить внимание на различную формулировку признака повторности в статьях УК союзных республик, устанавливающих ответственность за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Например, часть УК союзных республик (в частности, РСФСР), формулируя признак повторности в числе отягчающих обстоятельств, указывает те виды убийств, которые не образуют названного квалифицирующего обстоятельства: умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (ст. 104 УК РСФСР), и убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 105 УК РСФСР). Другая часть республиканских УК перечисляет виды убийств, совершение которых ранее влечет квалификацию последующего убийства по признаку повторности. Так, согласно редакции п. 8 ст. 94 УК Азербайджанской ССР повторным считается убийство, совершенное лицом, ранее совершившим умышленное убийство, предусмотренное ст.ст. 94—96 УК Азербайджанской ССР (умышленные убийства): а) при отягчающих обстоятельствах, б) без смягчающих и без отягчающих обстоятельств, в) матерью своего новорожденного ребенка). Между тем в теории уголовного права и в практике органов прокуратуры и суда не вызывает сомнений, что норма, предусматривающая ответственность за убийство, совершенное лицом, ранее совершившим умышленное убийство (п. 8 ст. 94 УК Азербайджанской ССР), имеет в виду совершение не только убийства, предусмотренного ст. ст. 94—96 УК Азербайджанской ССР, но и террористического акта (ст. 66 УК РСФСР, ст. 59 УК Азербайджанской ССР), террористического акта против представителя иностранного государства (ст. 67 УК РСФСР, ст. 60 УК Азербайджанской ССР), диверсии, сопряженной с убийством (ст. 68 УК РСФСР, ст. 61 УК Азербайджанской ССР), бандитизма, сопряженного с убийством (ст. 77 УК РСФСР, ст. 70 УК Азербайджанской ССР), посяательства на жизнь работника милиции или народного дружинника (ст. 191² УК РСФСР, ст. 191-1 УК Азербайджанской ССР), сопротивления начальнику или принуждения его к нарушению служебных обязанностей, сопряженного с убийством (п. «в» ст. 240 УК РСФСР,

п. «в» ст. 235 УК Азербайджанской ССР). Поэтому более точной, а следовательно, и правильной является редакция п. «и» ст. 102 УК РСФСР и аналогичных норм тех УК союзных республик, где в тексте названы преступления, исключющие повторность убийства. Полагаем, что так следовало бы сформулировать признак повторности умышленного убийства во всех УК союзных республик.

Кроме того, УК Азербайджанской ССР в п. 8 ст. 94 объединяет два самостоятельныхотягчающих признака: совершение умышленного убийства особо опасным рецидивистом и совершение этого преступления лицом, ранее совершившим умышленное убийство. Известно, что лицо может быть признано особо опасным рецидивистом и не в связи с убийством. Поэтому представляется, что нет достаточных оснований для того, чтобы предусматривать два указанных квалифицирующих признака в одном и том же пункте ст. 94 УК Азербайджанской ССР. Существующая редакция п. 8 лишает возможности следственные органы и суд отразить при квалификации то из указанных отягчающих обстоятельств, при наличии которого было совершено умышленное убийство. Удачнее решен вопрос в УК РСФСР и ряде других УК союзных республик, где умышленное убийство, совершенное особо опасным рецидивистом, предусмотрено самостоятельным пунктом соответствующей статьи (п. «л» ст. 102 УК РСФСР).

Органам прокуратуры и суда довольно часто приходится решать вопросы квалификации повторных общественно опасных деяний, которые образуют преступление при условии предшествующего применения к виновным мер общественного, дисциплинарного или административного воздействия, т. е. деяний, подпадающих под действие норм, предусматривающих в качестве обязательных признаков состава общественную, дисциплинарную или административную преюдицию. Подобного рода нормы предусмотрены в действующем уголовном законодательстве достаточно широко. Так, УК Азербайджанской ССР содержит 18 статей, устанавливающих преюдиционные условия. При этом часть из таких статей устанавливает уголовную ответственность после двукратного применения к виновным лицам мер административного, дисциплинарного или общественного воздействия и совершения затем нового аналогичного про-

ступка (например, ст.ст. 153-2, 192-2 УК); другая часть статей (например, ч. 1 ст. 153, ч. 1 ст. 157, ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 161-1 УК) считает достаточным однократное применение одной из указанных мер и совершение после этого нового соответствующего деяния. Аналогичные статьи содержатся и в уголовных кодексах других союзных республик.

В соответствии с содержанием рассматриваемых норм повторность деяний является конститутивным признаком состава преступления. Вместе с тем такого рода общественно опасные деяния могут образовать и повторность преступлений, если лицо, к которому ранее один раз или дважды (в зависимости от того, признает ли закон в качестве обязательного признака состава однократную либо двукратную преюдицию) были применены меры административного, дисциплинарного или общественного воздействия, совершило аналогичное деяние и в этой связи было осуждено судом; затем, после осуждения, совершило соответствующее количество таких же проступков, повлекших применение упомянутых выше мер воздействия и создавших основания для повторного осуждения за преступление.

Едва ли можно согласиться в этой связи с мнением В. П. Малкова, который считает, что лиц, имеющих судимость за деяния, которые признаются уголовно наказуемыми при условии совершения их повторно после применения мер общественного, административного либо дисциплинарного воздействия, следует при совершении хотя бы одного аналогичного поступка привлекать сразу же к уголовной ответственности как за повторное преступление, а не к общественной, административной либо дисциплинарной ответственности. Свою точку зрения он обосновывает тем, что лицо, имеющее судимость, т. е. получившее самое серьезное предупреждение от государства, и снова допускающее такое же правонарушение, представляет бóльшую общественную опасность, чем лицо, подвергавшееся административному воздействию и вновь учинившее такое же нарушение⁹⁵.

Мы солидарны с В. П. Малковым в той части его рассуждений, где он говорит о более высокой, как правило, общественной опасности личности рецидивиста. Однако вопрос о квалификации указанных ситуаций как повторных преступлений должен решаться в зависимости от законодательной формулировки соответствующей статьи

(или ее части) уголовного кодекса. В тех случаях, когда речь идет о повторности деяний, признаваемых законом преступлением при наличии преюдиционных условий, совершение после осуждения вновь аналогичного проступка не может образовать повторности преступлений.

К такому выводу нельзя не прийти, приняв во внимание разъяснения, данные Президиумом Верховного Совета СССР и Пленумом Верховного Суда СССР по вопросам применения законодательства об ответственности за некоторые виды правонарушений. Так, в постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1968 г. «О применении статьи 9 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» разъяснялось, что судимость за повторное мелкое хулиганство не образует квалифицирующего признака злостного хулиганства, тогда как судимость за хулиганские действия (простое хулиганство) является квалифицирующим признаком ч. 2 ст. 206 УК РСФСР⁹⁶. Аналогично разъяснение, которое дано в постановлении № 9 Пленума Верховного Суда СССР от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве», в соответствии с которым «квалифицирующим признаком хулиганства является прошлая судимость по ст. 206 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, за исключением судимости за повторное мелкое хулиганство»⁹⁷.

Такое толкование соответствует букве закона, где говорится о хулиганстве, совершенном лицом, судимым за хулиганство, а не за мелкое хулиганство.

Для уяснения рассматриваемого вопроса полезно обратиться и к постановлению № 8 Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1966 г. «О ходе выполнения судами задач, вытекающих из решений ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР о мерах по усилению борьбы с преступностью», где отмечается, что «лицо, ранее судимое за хулиганство и после этого совершившее мелкое хулиганство, поскольку иное не предусмотрено законом, подлежит ответственности по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство»⁹⁸, т. е. за мелкое хулиганство» как административное правонарушение. Хотя постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1966 г. в этой части в настоящее время утратило

силу в связи с исключением из уголовного законодательства состава повторного мелкого хулиганства⁹⁹, тем не менее указанное разъяснение представляет интерес с точки зрения уяснения позиции Верховного Суда СССР по вопросу о квалификации преступлений в рассматриваемой нами ситуации.

В принципе аналогичное разъяснение дано Пленумом Верховного Суда СССР в постановлении № 11 от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об авто-транспортных преступлениях». Согласно п. 12 этого постановления «лицо, ранее судимое за управление транспортными средствами в состоянии опьянения либо лишенное права управлять транспортными средствами не за административное нарушение, а по приговору суда за преступление, предусмотренное ст. 211 или ст. 252 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, и после этого вновь допустившее управление транспортным средством в состоянии опьянения, подлежит административной ответственности за нарушение правил дорожного движения»¹⁰⁰. Цитированное положение постановления относится к содержанию ч. 1 ст. 211¹ УК РСФСР (ч. 1 ст. 208-2 УК Азербайджанской ССР), устанавливающей уголовную ответственность за управление автотранспортным или городским электротранспортным средством, трактором или иной самоходной машиной лицом, находящимся в состоянии опьянения и лишенным права на управление транспортными средствами за такое нарушение.

Приведенные разъяснения Президиума Верховного Совета СССР и Пленума Верховного Суда СССР позволяют, на наш взгляд, правильно решить вопросы квалификации повторных преступлений, предусмотренных и другими уголовно-правовыми нормами, которые содержат указания на административную, дисциплинарную или общественную преюдицию. Так, согласно ч. 1 ст. 157 УК Азербайджанской ССР лицо подлежит уголовной ответственности за использование автотранспорта, находящегося в личной собственности, в целях наживы, если за такие же действия ранее на него было наложено административное взыскание. Часть 2 названной статьи УК устанавливает ответственность за те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за такое же преступление. Как видно из текста ст. 157 УК Азербайджанской ССР, преступление будет налицо при условии,

если имеется такой **обязательный** признак, как предшествующее применение за проступок административной меры воздействия и совершение после этого аналогичного деяния. Только при условии наличия в действиях лица всех признаков состава соответствующего деяния можно констатировать факт совершения преступления* — таково одно из важнейших положений советского уголовного права. В этой связи, а также учитывая, что повторность преступлений имеет место тогда, когда в поведении виновного налицо два состава преступлений (в рассматриваемом случае признаки состава сформулированы в ч. 1 ст. 157 УК), полагаем обоснованной квалификацию по ч. 2 ст. 157 УК Азербайджанской ССР, если после осуждения субъект совершил действия, в которых содержатся все признаки, характеризующие деяние как преступное.

Иначе, по нашему мнению, должен решаться вопрос о квалификации, когда лицо, будучи осуждено после однократного или двукратного применения к нему мер административного, дисциплинарного или общественного воздействия, вновь совершает хотя бы один раз поступок аналогичного рода, а норма Особенной части УК прямо предусматривает усиление ответственности за него, если ранее лицо было судимо по части первой соответствующей статьи. Так сконструирована, например, ст. 162 УК РСФСР. Часть 1 ее предусматривает уголовную ответственность за занятие запрещенным промыслом, если это деяние не влечет административной ответственности или если оно совершено после наложения административного взыскания за такое же деяние. Часть 2 ст. 162 УК РСФСР в числе других квалифицирующих обстоятельств указывает на занятие промыслом лицом «ранее судимым за занятие запрещенным промыслом». При этом не имеет значения, было ли лицо ранее судимо за тот же или иной вид запрещенного промысла.

В процессе квалификации преступлений органами прокуратуры и судом нередко приходится ограничивать преступления, совершенные повторно, от деяний, близких по своим объективным свойствам к повторности, но не являющихся тем не менее таковыми. Здесь имеются в

* Имеется в виду оконченное преступление. При неоконченном умышленном преступлении и налицо состав приготовления к преступлению или покушения на преступление.

виду единичные преступления, которые причиняют вред двум и более потерпевшим либо выражаются в заметно отличающихся по характеру действиях, предусмотренных в качестве альтернативных признаков объективной стороны одного и того же преступления.

К подобным деяниям относятся: умышленное убийство двух и более лиц (п. «з» ст. 102 УК РСФСР, п. 4 ст. 94 УК Азербайджанской ССР); склонение к потреблению наркотических веществ, совершенное в отношении двух и более лиц (ч. 2 ст. 224² УК РСФСР, ч. 2 ст. 226-4 УК Азербайджанской ССР); незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или пересылка с целью сбыта, а равно незаконный сбыт наркотических веществ (ст. 224 УК РСФСР, ст. 226 УК Азербайджанской ССР); те же действия, совершенные без цели сбыта наркотиков (ст. 224¹ УК РСФСР, ст. 226-1 УК Азербайджанской ССР). Значение точного отграничения указанных преступлений от повторности определяется и тем, что закон, конструируя указанные составы, в то же время предусматривает повторность соответствующих преступлений как квалифицирующее обстоятельство. Следовательно, ошибки при разграничении этих деяний от повторности могут привести либо к необосновательному усилению ответственности, которое может выразиться во вменении в вину лицу совершение двух или более преступлений, либо к необоснованному смягчению ее в результате неверной оценки повторности как единичного преступления.

В судебной и прокурорской практике порой возникает вопрос о разграничении умышленного убийства двух и более лиц от умышленного убийства, совершенного повторно. Общим для указанных проявлений преступлений против жизни является посягательство на жизнь нескольких лиц. В то же время между такими проявлениями имеются существенные различия, определившие отнесение их законом к разным отягчающим обстоятельствам (пп. «з», «и» (ст. 102 УК РСФСР, пп. 4 и 8 ст. 94 УК Азербайджанской ССР)*.

* В связи с этим едва ли можно признать бесспорной трактовку неоднократности получения незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения, как одновременного получения незаконного вознаграждения от двух и более граждан. Такое разъяснение понятия неоднократности, данное в п. 4 постановления Президиума Верховного

Для правильного отграничения рассматриваемых случаев умышленного убийства, совершенного при отягчающих обстоятельствах, важно исходить из того, что п. «з» ст. 102 УК РСФСР (п. 4 ст. 94 УК Азербайджанской ССР) имеет в виду единый умысел на лишение жизни двух и более лиц, который реализуется, как правило, одновременно. Вследствие этих особенностей отдельные эпизоды убийства расцениваются законодателем как единое преступление. «При совершении убийства двух или более лиц,—говорится в п. 12 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»,—содеянное следует квалифицировать по п. «з» ст. 102 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, если действия виновного охватывались единством умысла и совершены, как правило, одновременно»¹⁰¹.

Убийство, совершенное повторно, предусмотренное п. «и» ст. 102 УК РСФСР (п. 8 ст. 94 УК Азербайджанской ССР), характеризуется самостоятельным умыслом в отношении каждого случая убийства и осуществляется разновременно. По указанному пункту квалифицируются действия лица как судимого уже за умышленное убийство (за исключением убийства, совершенного в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, а также за убийство, совершенное с превышением пределов необходимой обороны), так и не понесшего уголовной ответственности за предшествующее убийство.

Исключают повторность несколько неудавшихся покушений на жизнь одного и того же человека либо умышленное убийство, которому предшествовало покушение на жизнь этого же лица, если названные эпизоды характеризуются единым умыслом. Однако данное важное обстоятельство не всегда принимается во внимание на практике. В этом отношении представляет интерес

Совета РСФСР от 21 сентября 1981 г. «О порядке применения статьи 156² Уголовного кодекса РСФСР», на наш взгляд, не способствует отграничению единичных преступлений от множественности преступных деяний. Коль скоро получение незаконного вознаграждения от двух и более граждан и неоднократность этих деяний в равной мере повышают общественную опасность преступления, их следовало бы предусмотреть в законе в качестве квалифицирующих признаков самостоятельно.

следующий случай. При рассмотрении иска Ч. о восстановлении на работе в качестве свидетеля на суде был допрошен М. Будучи недовольным показаниями последнего, Ч. после суда пригрозил ему расправой. Через два дня после этого Ч., находясь в нетрезвом состоянии, встретил на улице М. и пытался нанести ему удар ножом. М. выбил из рук Ч. нож и при помощи граждан отвел его домой. Закрывшись на замок и зная, что М. находится за дверью, Ч. со словами «убью» выстрелил из ружья, но в М. не попал. Народный суд, рассматривая дело по обвинению Ч. в покушении на убийство, усмотрел в его действиях два самостоятельных преступления и квалифицировал их по ст. 15, пп. «в» и «и» ст. 102 УК РСФСР. Областной суд при рассмотрении данного дела исключил из приговора обвинение Ч. по п. «и» ст. 102, предусматривающему случаи убийства или покушения на него лицом, ранее совершившим умышленное убийство или покушавшимся на это, указав, что по обстоятельствам дела оба покушения были совершены в отношении одного и того же лица с незначительным промежутком времени между ними и поэтому не было оснований рассматривать выстрел в М. как повторное совершение преступления¹⁰².

Представляют интерес конструкции составов, предусматривающих ответственность за совершение повторно преступлений, связанных с незаконным обращением с наркотическими веществами. Действующие уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку с целью сбыта или сбыт наркотических веществ, за незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозку или пересылку наркотических веществ без цели сбыта (ч. 2 и ч. 4 ст. 224 УК РСФСР, ч. 2 ст. 226, ч. 2 ст. 226-1 УК Азербайджанской ССР), хищение наркотических веществ (ч. 2 ст. 224¹ УК РСФСР, ч. 2 ст. 226-2 УК Азербайджанской ССР), посев или выращивание запрещенных к возделыванию культур, содержащих наркотические вещества (ч. 2 ст. 225 УК РСФСР, ч. 2 ст. 227 УК Азербайджанской ССР), предусматривают в числе квалифицирующих обстоятельств повторное совершение, как указывается в диспозициях соответствующих норм, «тех же действий». Между тем, обратившись к содержанию некоторых из этих норм, нетрудно усмотреть, что повторность в указанных случа-

ях образуют не всегда «те же действия». Так, ч. 1 ст. 226 УК Азербайджанской ССР устанавливает ответственность за действия, заметно различающиеся: за незаконное изготовление, приобретение, хранение, пересылку или перевозку с целью сбыта, а также незаконный сбыт наркотических веществ. Согласно смыслу ч. 2 этой статьи как квалифицированная повторность рассматриваются сочетания не только тех же (например, два случая незаконного изготовления либо три случая сбыта наркотических веществ) действий, но и различных комбинаций действий из числа тех, которые названы в ч. 1 ст. 226 УК Азербайджанской ССР (например, приобретение и затем сбыт наркотиков). То же можно сказать в отношении ст. 226-1 УК Азербайджанской ССР, определяющей основания и пределы уголовной ответственности за незаконное изготовление, хранение, перевозку и пересылку наркотических веществ без цели сбыта*.

Другой особенностью формулирования квалифицирующих признаков уголовно-правовых норм о незаконном обращении с наркотическими веществами является расширение объема понятия повторности путем указания на возможность ее образования в результате совершения не только деяний, предусмотренных одной и той же из перечисленных выше статей, но и другими статьями УК об ответственности за незаконное обращение с наркотическими веществами. Квалифицирующая повторность в этих случаях охватывает преступления, заметно различающиеся по степени однородности (например, хищение наркотических веществ и склонение к потреблению наркотических веществ). Такая конструкция интересующих нас норм представляется удачной, поскольку она учитывает то существенно важное, что присуще всем преступлениям, связанным с наркотиками, — создание угрозы причинения большого вреда здоровью населения, опасности распространения наркомании. Общие криминологические свойства этих подчас существенно различающихся по своим юридическим признакам преступлений и определили законодательное решение вопроса о повторности при построении составов о незаконном обращении с наркотическими веществами.

* Аналогичным образом сконструированы составы изготовления, хранения и сбыта крепких спиртных напитков домашней выработки (ст. 158 УК РСФСР, ст. 156 УК Азербайджанской ССР).

В связи с тем, что конструкция понятия повторности рассматриваемых преступлений в принципе такая же, что и при построении понятия повторности хищений, в целом квалификация преступлений, совершаемых неоднократно, т. е. случаев совершения двух и более преступлений, когда виновное лицо не было осуждено за них, должна осуществляться по тем же правилам, что и при хищениях, совершаемых повторно, т. е. по совокупности статей или частей одной и той же статьи УК. На это ориентируют некоторые указания, содержащиеся в постановлении № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 26 сентября 1975 г. «О судебной практике по делам о хищении наркотических веществ, незаконном изготовлении и распространении наркотических сильнодействующих и ядовитых веществ». В п. 14 постановления разъясняется, что, если лицо, склонявшее к потреблению наркотических веществ, сбывало их или оказывало помощь в хищении, изготовлении, приобретении, хранении, перевозке или пересылке наркотических веществ, его действия следует квалифицировать по совокупности ст. ст. 224² и 224¹ или 224 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик¹⁰³.

С точки зрения уяснения вопросов квалификации преступных действий, связанных с наркотиками, не менее важны указания п. 8 названного постановления Пленума Верховного Суда СССР. «Хищение наркотических веществ, — разъясняется в постановлении, — и их последующее хранение, перевозка, пересылка с целью сбыта или без таковой, а равно сбыт надлежит квалифицировать по совокупности этих преступлений. В таких случаях действия виновного не образуют признака повторности, предусмотренного чч. 2 и 4 ст. 224 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик»¹⁰⁴. В цитируемом положении обращает на себя внимание то, что понятие повторности трактуется здесь уже, чем фактически это предусмотрено в соответствующих нормах УК об ответственности за преступления, связанные с наркотиками. В самом деле, хотя в интересующих нас нормах и говорится о «повторности тех же действий», вместе с тем в тексте диспозиций соответствующих статей указывается в качестве квалифицирующего признака и на предшествующее совершение виновным лицом определенных преступлений, предусмотренных уголовно-правовыми нормами о неза-

конном обращении с наркотическими веществами. При этом подразумевается как предшествующее осуждение за них, так и отсутствие судимости за указанные преступления.

§ 3. Разграничение повторности и продолжаемых преступлений в процессе квалификации преступных деяний

Как показывает следственная и судебная практика, вопрос о разграничении повторных и продолжаемых преступлений представляет немалую сложность при их квалификации. Он возникает практически тогда, когда повторность предусмотрена законом в качестве квалифицирующего обстоятельства. Чаше, чем по другим категориям дел, необходимость разграничения названных форм преступного поведения возникает в связи с квалификацией хищений государственного или общественного имущества или похищений личного имущества граждан.

Прежде всего следует отметить, что если согласно постановлениям Особенной части УК два и более одинаковых преступления не образуют повторности как квалифицирующего обстоятельства, то квалификация всего содеянного по норме, предусматривающей ответственность за повторность преступлений, исключается. В таких случаях в зависимости от конкретных обстоятельств дела налицо либо повторность преступлений, не являющаяся квалифицирующим обстоятельством, либо продолжаемое преступление.

Синотов был осужден народным судом по ч. 2 ст. 89 УК РСФСР по признаку повторности за то, что совершил из столовой кражу продуктов на сумму 25 руб., а через два месяца из той же столовой похитил конфеты, папиросы и другие товары на общую сумму 64 руб. Президиум Верховного Суда Карельской АССР пере-квалифицировал действия Синотова на ч. 1 ст. 89 и ч. 1 ст. 96 УК РСФСР на том основании, что первая кража должна квалифицироваться как мелкая, а мелкое хищение в соответствии с примечанием к ст. 89 УК РСФСР не является квалифицирующим признаком ч. 2 этой статьи¹⁰⁵. В данном случае было совершено два преступления, но ввиду прямого указания закона второе преступление не может быть оценено как квалифицирован-

ная повторность. Вместе с тем его нельзя рассматривать и как продолжаемое преступление, поскольку каждый из эпизодов мелкого хищения представляет собой самостоятельное преступление, отдаленное значительным промежутком времени одно от другого.

Сложнее решить вопрос, когда схожие эпизоды хищения отдалены один от другого незначительными отрезками времени. В подобных случаях, как правило, и возникает в следственно-судебной практике необходимость отграничения продолжаемых преступлений от повторных, ибо сама проблема отграничения выступает тогда, когда различные явления и предметы объективной действительности обладают сходством, общими свойствами. Определение соотношения сравниваемых явлений и предметов, установление их особенностей с учетом общих черт позволяет уяснить вопросы разграничения этих явлений и предметов, а также наметить подход к решению на практике вопросов, связанных с отграничением рассматриваемых форм проявления преступлений.

Как и при повторности, продолжаемые преступления могут выражаться (хотя и не всегда) в нескольких тождественных по своему характеру общественно опасных актах поведения субъекта, содержащих признаки соответствующих составов преступлений, например три эпизода кражи, которые в зависимости от конкретных фактических обстоятельств рассматриваются как повторность либо как единое, продолжаемое преступление.

Полагаем, что деяния, образующие повторность и продолжаемое преступление, по своим юридическим признакам могут быть и однородными, а не только тождественными. Например, кражу социалистического имущества надлежит считать повторной, если в первый раз совершена кража личного имущества граждан, а во второй — государственного имущества. Различие в юридических признаках может иметь место и при продолжаемом преступлении. Так, возможны ситуации, при которых одни акты продолжаемого хищения подпадают под признаки состава хищения в значительном размере, другие представляют собой мелкое хищение.

В связи с изложенным вызывает сомнение точность указания постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного иму-

щества» на такую особенность продолжаемого хищения, как совершение «ряда тождественных преступных действий»¹⁰⁶. Неточным, на наш взгляд, является и встречающееся в уголовно-правовой литературе утверждение о том, что отдельные акты, входящие в продолжаемое преступление, всегда являются по своим юридическим признакам одинаковыми. Например, по мнению А. М. Магомедова, с объективной стороны продолжаемое преступление складывается из неоднократных преступных деяний, каждое из которых содержит признаки одного и того же состава преступления. Применительно к продолжаемому преступлению следует говорить о юридически одинаковых (тождественных) деяниях, т. е. таких, которые совпадают по своим юридическим признакам (подчеркнуто нами. — Т. К.), хотя фактически могут и различаться¹⁰⁷. Так, один акт похищения имущества не будет абсолютно тождественным другому такому же акту. Оба они, как правило, имеют различия. Однако фактические признаки отдельных эпизодов будут всегда обладать и общими свойствами: отдельные акты продолжаемого преступления должны быть сходными по форме, что определяется тождеством способов их совершения¹⁰⁸.

Таким образом, допуская возможность совершения продолжаемого преступления путем осуществления однородных (а не только тождественных) по своей природе деяний, следует заметить, что различие между ними не может относиться к признакам, характеризующим способ посягательства. В равной мере не могут быть и различными объекты посягательств. Как указывает Н. Д. Дурманов, продолжаемое преступление представляет собой посягательство на один и тот же объект путем ряда однородных действий¹⁰⁹. Однако более точным, на наш взгляд, является утверждение авторов, считающих необходимым признаком продолжаемого преступления наличие одного и того же непосредственного объекта¹¹⁰.

Учет указанных особенностей способствует правильному решению вопроса об отграничении продолжаемого преступления от повторного. Повторность, как это было показано выше, могут образовывать преступления, посягающие на различные объекты (кража государственного имущества и кража личного имущества граждан) и характеризующиеся различным способом совершения (кража личного имущества граждан и грабеж). Конеч-

но, следует иметь в виду, что и при повторности возможны посягательства на одинаковые объекты и аналогичным способом (например, повторный угон автомашины).

При разграничении указанных форм преступных проявлений следует иметь в виду, что в отличие от повторности преступлений продолжаемое преступление не всегда выражается в совершении нескольких актов, каждый из которых представляет собой преступный акт. В этой связи является неточным утверждение авторов, которые при определении продолжаемых преступлений подчеркивают, что они слагаются из самостоятельных преступных деяний, заключающих в себе признаки одного и того же состава преступления¹¹¹. В судебной практике нередко встречаются продолжаемые преступления, характеризующиеся рядом актов, которые, будучи взяты в отдельности, не являются преступлением, например систематический вынос из цеха завода в разное время незначительных по своей стоимости отдельных деталей телевизора, в общей сложности образующих хищение в значительном размере.

В свете изложенного мы разделяем мнение Г. Л. Кригер, когда она пишет, что признаки, позволяющие рассматривать преступление как единое, продолжаемое, характеризуют объективную сторону содеянного. Они выражаются во взаимосвязи между отдельными деяниями, из которых складывается продолжаемое преступление, в проявляющейся направленности каждого из них против одного и того же объекта, в сходстве способов их совершения, а также в единстве наступивших последствий¹¹². Авторы учебника по уголовному праву ГДР справедливо отмечают, что продолжаемое преступление с точки зрения его объективных признаков может проявиться в двух формах: в форме продолжения начато-го деяния (*Tatfortsetzung*), т. е. совершения одного преступления в несколько приемов, когда каждый из эпизодов, взятый в отдельности, не содержит состава преступления, и в форме повторения деяний (*Tatwiederholung*), т. е. последовательного осуществления нескольких одинаковых актов, каждый из которых включает в себе состав преступления¹¹³.

Бытующее в практике прокурорско-следственных работников и среди некоторой части ученых-юристов ошибочное мнение о том, что продолжаемое преступление всегда складывается из ряда преступных поступков,

объясняется, видимо, неточным определением продолжаемого преступления в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» и от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества». Другая неточность определения общего понятия продолжаемого преступления, сформулированного в названном постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г., заключается в том, что оно указывает лишь признаки умышленного продолжаемого преступления. В постановлении говорится, что продолжаемые преступления — это «преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление»¹¹⁴. Некоторые советские криминалисты также полагают, что продолжаемыми могут быть только умышленные преступления¹¹⁵. Между тем, думается, нет достаточных оснований исключать из числа неосторожных преступлений продолжаемые уголовно наказуемые деяния¹¹⁶. Последние, как и умышленные преступления, проявляются в ряде тождественных или сходных деяний, охватываемых единой формой вины — неосторожностью, причиняющих единый вред или создающих реальную опасность его причинения. В форме продолжаемого преступления могут проявляться, например: загрязнение водоемов и воздуха; загрязнение моря веществами, вредными для здоровья людей или для его живых ресурсов; преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники и др.

Отмеченные выше общие черты, присущие повторности преступлений и продолжаемым преступлениям, обуславливают необходимость пристального внимания органов прокуратуры и суда с тем, чтобы помочь правильно решить вопрос об отнесении содеянного к первой или второй из названных выше форм преступного поведения.

В связи с этим важное значение имеет выяснение вопроса о том, были ли объединены совершенные действия единой целью. При повторности преступления такая цель отсутствует, в то время, как для умышленных продолжаемых преступлений она характерна. Такая цель обусловлена единством умысла, пронизывающего все эпизоды продолжаемого преступления.

Положение, согласно которому совершаемые виновным отдельные одноплановые акты при продолжаемом преступлении соединяются в единую преступную цепь заранее поставленной конечной целью и общим преступным намерением, не встречает возражений ни в теории советского уголовного права, ни среди практических работников. Сложности в практике органов прокуратуры и суда возникают при анализе и оценке фактических обстоятельств уголовного дела. В частности, трудности заключаются в уяснении того, является ли умысел общим для всего ряда общественно опасных деяний, совершенных субъектом, или каждое из этих деяний совершено с самостоятельным умыслом.

Правильному уяснению этих вопросов по делам о хищениях помогает выявление источника, из которого похищалось имущество. При повторности такого рода преступлений источник, откуда похищаются товарно-материальные ценности, деньги и документы, дающие возможность с их помощью незаконно извлечь материальную выгоду, в большинстве случаев, как показывает изучение судебной практики, бывает различным. Однако повторные хищения могут иметь место и тогда, когда имущество изымалось из одного и того же источника. Так, в постановлении № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. отмечается, что «хищение должно признаваться повторным независимо от того, изымалось ли имущество из одного или из разных источников, за исключением случаев, когда совершенные деяния могут рассматриваться как продолжаемое преступление»¹¹⁷. Что же касается продолжаемого преступления, то при хищении, осуществляемом таким путем, имущество изымается из одного и того же источника.

Важное значение в процессе разграничения повторности от продолжаемого преступления по делам о хищениях приобретает трактовка самого понятия «единый источник». Суд и органы прокуратуры иногда неосновательно узко, на наш взгляд, толкуют это понятие, придавая ему буквальный смысл. Представляется, что неоднократное хищение имущества одним и тем же способом, совершенное с единым умыслом и единой целью, хотя и из различных хранилищ одного и того же предприятия, учреждения или одной и той же организации, надлежит рассматривать как продолжаемое хищение.

Разграничению повторности от продолжаемого преступления способствует выявление и других обстоятельств, относящихся к объективной стороне преступления, в частности установление времени, истекшего после совершения первого и последующих общественно опасных деяний. Наличие значительного промежутка времени между совершением этих деяний нередко свидетельствует о том, что имели место самостоятельные преступления, которые в совокупности должны быть оценены как повторные. Игнорирование этого порой приводит к ошибкам в квалификации преступлений, связанных с неоднократным совершением преступлений.

Особого внимания заслуживают такие обстоятельства преступления, при которых первоначально совершенное преступление создает как бы «базу», главную предпосылку, для последующих преступных действий, основанных на предшествующем создании условий для них. Таким обстоятельством является, например, регулярное получение выплат на основании однажды представленного фальсифицированного документа.

Так, Президиум Пермского областного суда рассмотрел по протесту заместителя председателя Верховного Суда РСФСР дело Ситало, который был осужден за повторное хищение государственного имущества путем мошенничества, выразившееся в том, что, получая пенсию по инвалидности, он обманным путем оформил вторую пенсию за выслугу лет и таким образом в течение нескольких месяцев незаконно получил 463 руб., из которых 403 руб. погасил. Президиум Пермского областного суда в своем постановлении указал: «Преступные действия осужденного Ситало, выразившиеся в оформлении пенсии путем обмана работников горсобеса, представляют собой разовый акт. Последующее получение и присвоение в течение семи месяцев неправильно назначенной пенсии является единым продолжаемым, а не повторным преступлением»¹¹⁸.

Наличие одного факта незаконного оформления пенсии свидетельствует о едином замысле, охватывающем все последующие однотипные эпизоды присвоения денег. Аналогично должны расцениваться преступные действия, выразившиеся в незаконном оформлении на работу лица и неоднократном получении его зарплаты, выписанной в действительности не работающему там рабочему, служащему или колхознику.

Из таких же соображений должны исходить следственные и судебные органы при оценке фактических обстоятельств и по другим категориям дел. На это ориентирует суды Верховный Суд СССР. Характерным в этом отношении является решение, принятое по следующему делу. С., поставив в реке недозволенные рыболовные снасти, брал из них в течение шести дней пойманную рыбу. Преступление С. было начато одним действием, создавшим возможность совершения впоследствии ряда сходных преступных актов. Деяние С. первоначально было квалифицировано судом по ч. 2 ст. 163 УК РСФСР как повторное занятие незаконным рыбным промыслом. В последующем оно было переквалифицировано на ч. 1 ст. 163 УК РСФСР, как совершение единого продолжаемого преступления¹¹⁹.

В связи с рассматриваемым вопросом представляют интерес указания, сформулированные в постановлении № 16 Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве», где говорится, что «дача либо получение взятки в несколько приемов за выполнение или невыполнение конкретного действия, обеспечивающего наступление желаемого результата, либо посредничество во взяточничестве при указанных обстоятельствах не может рассматриваться как преступление, совершенное неоднократно»¹²⁰.

При разграничении повторности и продолжаемого преступления в литературе справедливо указывалось на необходимость обращать внимание на характер связи между отдельными эпизодами содеянного. Для продолжаемого преступления всегда характерна внутренняя связь между образующими его актами¹²¹. Она может быть обнаружена при обязательном условии уяснения как объективных, так и субъективных признаков деяния в их совокупности. Прав в этой связи Р. Орымбаев, который, анализируя признаки обмана покупателей, когда обман выражается в форме продолжаемого преступления, указывает, что каждое отдельное действие виновного должно рассматриваться как продолжение одного и того же преступления, начатого ранее, но не законченного по замыслу. Если же между эпизодами нет органической связи или если некоторые из них характеризуются умыслом, а другие — неосторожностью виновного, то продолжаемого преступления не будет. Не будет его

и тогда, когда отдельные эпизоды отграничены друг от друга длительным промежутком времени или субъект за совершение предшествующих преступных актов был осужден¹²².

От повторности и продолжаемых преступлений следует отличать случаи совершения одним лицом нескольких покушений с одной целью, т. е. когда последующие преступные действия совершаются вследствие того, что ранее не удалось реализовать преступный замысел. Например, попытка лица угнать одну из находящихся рядом автомашин, принадлежавших трем разным владельцам. Для осуществления своего замысла он пытается поочередно завести двигатели двух автомашин. Это ему не удается сделать. Тогда он заводит двигатель третьей автомашины, и в этот момент его задерживают. В данном случае умысел лица направлен на угон одной автомашины, а поэтому каждую его попытку, предпринятую с этой целью, нельзя рассматривать как самостоятельное преступление. В приведенном примере неоднократные попытки угнать автомашину, совершенные в одном месте и в одно и то же время, свидетельствуют о стремлении лица довести преступный умысел до конца, однако признака повторности, предусмотренного ч. 2 ст. 212¹ УК РСФСР, они не образуют.

Специального рассмотрения заслуживает решение вопроса о квалификации нескольких актов хищений, образующих в общей сложности значительное, крупное или особо крупное хищение. Следует ли такие хищения квалифицировать как единое продолжаемое преступление или как повторное? Некоторые разъяснения по данному вопросу мы находим в упомянутом постановлении № 4 Пленума Верховного Суда от 11 июля 1972 г., где обращается внимание на то, что, поскольку ответственность за хищение в особо крупном размере наступает независимо от того, в какой форме осуществлено это хищение, по ст. 93¹ УК РСФСР (ст. 88-1 УК Азербайджанской ССР) следует квалифицировать и несколько хищений, совершенных любым способом, если в общей сложности они образуют хищение в особо крупном размере¹²³.

Иначе должны решаться вопросы применительно к хищениям в крупном или значительном размере. В соответствии с п. 14 этого постановления действия лица, совершившего несколько хищений, причинивших в общей сложности ущерб в крупном размере, должны квалифи-

цироваться по статьям об ответственности за хищения в крупном размере, если они совершены одним и тем же способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном размере. Не вызывает сомнений, что здесь речь идет о продолжаемом преступлении.

Таким образом, если совершено несколько не объединенных общим умыслом хищений, которые причинили в целом крупный ущерб, суммирование ущерба и оценка преступления как продолжаемого исключаются. Содеянное надлежит квалифицировать по той части соответствующей статьи УК, которая предусматривает ответственность за повторное хищение. Полагаем, что как хищение в значительном размере должно квалифицироваться несколько мелких хищений, объединенных единым умыслом и причинивших в общей сложности значительный ущерб (если, конечно, умысел не был направлен на причинение более значительного ущерба)¹²⁴.

Едва ли можно согласиться с мнением авторов, считающих, что для признания хищения совершенным в крупных размерах не имеет значения, причинен ли ущерб в крупных размерах в результате одного хищения или нескольких самостоятельных хищений¹²⁵. В. Н. Кудрявцев справедливо подчеркивает, что совершение нескольких хищений может рассматриваться как единое преступление лишь при наличии всех прочих признаков продолжаемого преступления¹²⁶. Иное мнение по существу игнорирует институт повторности, имеющий важное самостоятельное значение для решения вопросов об ответственности виновных в соответствии с принципами советского уголовного права.

§ 4. Применение норм о предварительной преступной деятельности и о соучастии при квалификации повторных преступлений

В действующем советском уголовном законодательстве нет специальных предписаний о применении норм о предварительной преступной деятельности и о соучастии при квалификации повторных преступлений. Отсутствуют и работы, специально посвященные этому вопросу, хотя некоторыми авторами высказывались отдельные соображения¹²⁷.

С точки зрения квалификации в рамках указанной проблемы следовало бы выделить два вопроса, которые в следственной и судебной практике, а также в юридической литературе решаются неодинаково: 1) о квалификации деяния по признаку повторности, если ранее было совершено приготовление к аналогичному деянию или покушение на него, а затем окончательное преступление и, наоборот, сначала имело место окончательное деяние, а после этого — приготовление к преступлению или покушение на аналогичное преступление; 2) о влиянии квалификации действия исполнителя преступления, виновного в совершении повторного уголовно наказуемого деяния, на квалификацию деяний соучастников.

Отдельные вопросы ответственности за повторные преступления при приготовлении к ним и покушении на них были затронуты при рассмотрении квалификации деяний, содержащих несколько квалифицирующих обстоятельств, предусмотренных различными статьями (или их частями) уголовных кодексов. Однако проблема квалификации повторности преступлений, когда все составляющие ее деяния или часть их представляют собой неоконченные преступления, носит более общий характер и требует специального рассмотрения. При этом важно отметить, что решение данной проблемы должно базироваться на законодательстве и положениях теории уголовного права об основаниях уголовной ответственности. Отмеченное прямо вытекает из текста ст. 3 Основ уголовного законодательства: «Уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». Указывая на совершение преступления, ст. 3 Основ имеет в виду как окончательное, так и неоконченное преступление. Последнее, как и окончательное преступление, является общественно опасным, противоправным, виновным и наказуемым деянием. Приготовление к преступлению и покушение на него заключают в себе состав преступления. Поэтому основания ответственности при приготовлении к преступлению, покушении на него и окончательном преступлении едины. Другими словами, предварительная преступная деятельность по советскому уголовному праву преследуется наравне с окончательным преступлением. Согласно ст. 15 Основ уголовного зако-

нодательства, наказание за приготовление и покушение назначается по закону, предусматривающему ответственность за данное преступление. В соответствии с этим приготовление и покушение квалифицируются по той же статье (или части ее), по которой квалифицируется и оконченное преступление, с дополнительной ссылкой на ст. 15 УК РСФСР, отражающей факт незавершенности преступления.

Изложенное определяет и содержание понятия повторности преступлений, охватывающей не только оконченные, но и незавершенные преступления (т. е. случаи приготовления и покушения). Следовательно, лицо, действия которого образуют приготовление к преступлению или покушение на преступление, при наличии прочих условий признания содеянного повторным преступлением должно нести ответственность за повторность уголовно наказуемых деяний. Аналогично должен быть решен вопрос, если лицо дважды совершало действия, образывавшие приготовление к преступлению или покушение на него, либо в первый раз совершило приготовление к преступлению, а во второй — покушение на него или, наоборот, сперва покушение, а потом приготовление. В п. 13 постановления № 4 Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» указано: «Ответственность за повторное умышленное убийство или за покушение на него наступает независимо от того, совершил ли виновный ранее убийство либо покушение, был ли он исполнителем или соучастником этого преступления»¹²⁸. Полагаем, что данное положение с достаточным основанием можно отнести и ко всем иным видам умышленных преступлений.

Таким образом, лицу, совершившему несколько преступных деяний, состоящих из оконченного преступления, приготовления или покушения, ни за одно из которых оно не было осуждено, инкриминируется все содеянное.

Если в нашей литературе изложенное выше не встречает каких-либо возражений принципиального характера, то такого единодушия мы не найдем при решении вопросов квалификации каждого из деяний, образующих повторность, включающей в себя оконченное и неоконченное преступление.

Еще до принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года и действия

УК, принятых в 1959—1961 гг., И. С. Тишкевич высказал мысль, что при совершении нескольких однородных преступлений, среди которых есть оконченные и не доведенные до конца, все содеянное квалифицируется как одно оконченное повторное преступление. При этом не имеет значения, полагает И. С. Тишкевич, когда было совершено неоконченное преступление — в начале, конце или середине преступной деятельности. Наличие в подобной ситуации неоконченного преступления значения для квалификации содеянного не имеет. Этот факт должен быть учтен, пишет он, при назначении наказания. Аргументируя изложенное, И. С. Тишкевич ссылается на практику квалификации хищений государственного или общественного имущества. «Хищение,— пишет он,— является повторным (и оконченным) преступлением независимо от того, что одно из совершенных хищений оказалось недоведенным до конца по независящим от виновного причинам. Статья 19 УК в этих случаях указывается лишь тогда, когда ни одно из совершенных хищений не было доведено до конца»¹²⁹. Такое решение обосновывается, кроме того, тем, что по смыслу действовавшего в то время Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» неоднократные акты однородных хищений рассматривались как повторные преступления, специально предусмотренные ст.ст. 2 и 4 названного Указа. Аналогичное решение предлагалось им для квалификации посягательства на личное имущество граждан путем кражи и разбоя соответственно по ч. 2 ст. 1, ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан». Позицию И. С. Тишкевича по данному вопросу разделяют и некоторые другие авторы¹³⁰. Приведенная точка зрения не соответствует упомянутым в работе разъяснениям Пленума Верховного Суда СССР, изложенным в постановлениях от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» и от 27 июня 1975 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»¹³¹, в которых суды ориентируются на квалификацию каждого из образующих повторность преступлений, в том числе и незавершенного самостоятельно. Суды, как правило, именно так и квалифицируют неоднократные преступления.

Обращаясь к рассмотрению вопроса о влиянии на квалификацию действий соучастников содеянного исполнителем, совершившим преступление повторно, следует отметить наличие в теории советского уголовного права двух точек зрения по данному вопросу: 1) соучастники несут ответственность за преступную деятельность исполнителя и юридически значимые свойства личности последнего, отраженные в составе преступления, если обо всем этом было известно соучастникам; 2) соучастники не несут ответственность за обстоятельства, которые относятся исключительно к личностным качествам исполнителя, независимо от того, знали ли они об этих обстоятельствах или не знали.

К сторонникам первой точки зрения относятся А. Н. Трайнин, М. А. Шнейдер и др. Так, А. Н. Трайнин полагал, что если одному из соучастников преступления были известны квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к действию, а равно и к личности другого соучастника, то эти обстоятельства должны быть вменены в вину всем лицам, участвовавшим в данном преступлении. По мнению А. Н. Трайнина, не может быть различных принципов установления ответственности соучастников в отношении одинаково сознаваемых ими элементов состава. В этой связи независимо от того, идет ли речь об объективных или субъективных обстоятельствах, коль скоро умысел соучастников охватывает квалифицирующие обстоятельства, они должны нести ответственность так же, как и исполнитель. Если же умысел соучастников не охватывал данные обстоятельства, указанные лица не должны нести за них ответственность. В обоснование своего мнения А. Н. Трайнин указывал: «Стать на иной путь — значит подорвать общие основания ответственности соучастников, ибо оказалось бы, что соучастник находится в привилегированном положении: индивидуально действующее лицо отвечает за все элементы состава, охватываемые его умыслом, а соучастник — за некоторые «индивидуальные» не отвечает». Далее он писал, что все соучастники, как бы ни были своеобразны объективные и субъективные черты участия каждого из них в совершении преступления, всегда отвечают за одно и то же преступление¹³².

Вторая точка зрения была высказана А. А. Пионтковским, который писал, что обстоятельства, характеризую-

щие лишь степень общественной опасности исполнителя и не влияющие на степень общественной опасности совершенного преступления, не могут быть вменены в вину всем соучастникам. Свою мысль он подкреплял таким примером: «Повторное убийство, совершенное исполнителем и повлекшее квалификацию по п. «б» ст. 136 УК РСФСР (1926 г.), не влияет на квалификацию действий соучастников, т. е. имеет чисто личностное значение»¹³³.

Позже в монографии, посвященной учению о преступлении, А. А. Пионтковский отнес к обстоятельствам, не подлежащим вменению в ответственность соучастников, совершение преступления особо опасным рецидивистом. Так, кража социалистического имущества, отмечает А. А. Пионтковский, совершенная особо опасным рецидивистом (ч. 3 ст. 89 УК РСФСР 1960 года), должна влечь для пособников ответственность лишь как за соучастие в повторной краже, т. е. по ч. 2 ст. 89 УК РСФСР¹³⁴. Указанная позиция соответствует принципу индивидуализации ответственности в советском уголовном праве. Основанием усиления уголовно-правового воздействия на рецидивиста, особо опасного рецидивиста, а также на лиц, неоднократно совершавших преступления, хотя бы и не подвергавшихся ранее осуждению, является повышенная общественная опасность личности преступника, вставшего на путь неоднократного нарушения требований уголовного закона. Если такого свойства на стороне остальных соучастников нет, то отпадают юридические и логические основания усиливать их ответственность.

Следует отметить в данном случае и неосновательность доводов А. Н. Трайнина, приведенных в подтверждение точки зрения о необходимости квалификации преступлений исполнителя, повторно совершившего преступление, и его соучастников, когда они впервые совершают вместе с ним преступление и знают о повторном характере преступления исполнителя, по одной и той же уголовно-правовой норме. Как было указано выше, А. Н. Трайнин исходил из того, что при соучастии все виновные совершают одно и то же преступление и поэтому должны нести ответственность по одной и той же статье или ее части, предусматривающей ответственность за данное преступление.

Приведенный аргумент не колеблет, как нам кажется

ся, защищаемую нами позицию. Действительно, все соучастники несут и должны нести ответственность за одно и то же преступление (например, за кражу личного имущества). Однако это вовсе не означает, что все они должны отвечать по одной и той же уголовно-правовой норме. Действия соучастников надлежит квалифицировать по ч. 2 ст. 144 УК РСФСР (ч. 2 ст. 143 УК Азербайджанской ССР) (кража, совершенная повторно), если они дважды оказывали, например, пособничество в краже особо опасному рецидивисту, преступление которого следует квалифицировать по ч. 3 ст. 144 УК РСФСР (ч. 3 ст. 143 УК Азербайджанской ССР). Такая позиция находит подтверждение и в судебной практике. Так, по делу Чудинова и Николаева Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в своем определении указала: «Квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к личности исполнителя (совершение преступления повторно, особо опасным рецидивистом), не вменяются в ответственность соучастникам, если даже эти обстоятельства и охватывались их сознанием, так как указанные обстоятельства характеризуют общественную опасность только личности преступника и могут отягчать ответственность лишь самого исполнителя, т. е. лица, к кому они непосредственно относятся»¹³⁵.

Любопытно отметить, что один из противников такой квалификации — А. Н. Трайнин в 1941 году писал, что не в формальном признаке единства карательной нормы выражается единая ответственность соучастников за одно и то же преступление. Эта ответственность выражается в материальной однородности преступления, за которое отвечает каждый из соучастников, — в материальной однородности, а не в тождестве составов¹³⁶. Тем не менее, как было показано выше, А. Н. Трайнин не распространял этого своего положения на случаи соучастия, когда исполнителем преступления являлось лицо, повторно совершившее преступление. Едва ли такую его позицию можно признать, последовательной.

По изложенным выше основаниям действия соучастников, не являющихся исполнителями преступления, когда они повторно учиняют преступление (независимо от того, совершали ли они ранее преступление как подстрекатели, организаторы, пособники или исполнители), надлежит квалифицировать по признаку повторности,

если даже исполнитель совершил преступление впервые.

При решении вопроса о квалификации действий соучастников следует принять во внимание то, что неоднократность может быть не только квалифицирующим, но и конститутивным признаком состава преступления. Поэтому в указанных случаях осуществление по каждому эпизоду, образующему неоднократность, действий, составляющих соучастие, влечет ответственность по той же уголовно-правовой норме, по какой квалифицируются действия исполнителя. Так же следует квалифицировать преступление соучастника, если оно связано с преступлением исполнителя, когда рецидив предусмотрен в законе как конститутивный признак состава. Например, субъектом побега из мест лишения свободы может быть только осужденное лицо, а сам побег образует рецидив. В этих случаях действия исполнителя — лица, бежавшего из мест лишения свободы, — квалифицируются по ч. 1 ст. 188 УК РСФСР, а действия соучастника — по ст. 17 и ч. 1 ст. 188 УК РСФСР.

Представляется целесообразным, на наш взгляд, закрепить в соответствующей норме Общей части уголовного законодательства положение о квалификации действий соучастников в повторном преступлении, предусмотренном в числе отягчающих обстоятельств состава. Такое дополнение закона способствовало бы единому пониманию на практике затронутых вопросов, а как следствие этого — правильному применению уголовного закона к соучастникам в преступлении, четкой дифференциации ответственности за содеянное.

Примечания

- ¹ Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 3. М., 1972, с. 48.
- ² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 65.
- ³ См.: Правда, 1979, 11 сент.
- ⁴ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972, с. 7—8.
- ⁵ См.: Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973, с. 80—82; Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 54.
- ⁶ Здесь и далее, когда приводятся статьи УК РСФСР и Азербайджанской ССР, имеются также в виду, если иное специально не оговорено, и соответствующие статьи УК других союзных республик.
- ⁷ См.: Фодор Иосиф. Основные принципы, категории и институты нового Уголовного кодекса Социалистической Республики Румынии.— В кн.: Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы. М., 1974, с. 259, 158.
- ⁸ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 283.
- ⁹ См.: Фролов Е. А., Галнакбаров Р. Р. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права. Свердловск, 1967, с. 8.
- ¹⁰ См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957, с. 254—255; Стручков Н. А. Назначение наказания при совокупности преступлений. М., Госюриздат, 1957, с. 29; Яковлев А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. М., Госюриздат, 1960, с. 64—69.
- ¹¹ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 258—270.
- ¹² См.: Малков В. П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). Казань, 1974, с. 124—126.
- ¹³ См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления, с. 254—255.
- ¹⁴ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 82.
- ¹⁵ См.: Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов, 1977, с. 63—64.
- ¹⁶ См.: Зелинский А. Ф. Понятие «преступная деятельность». — Сов. государство и право, 1978, № 10, с. 99—100.
- ¹⁷ В уголовных кодексах союзных республик 1926—1935 гг. и первоначально в действующих УК упоминалось об однородных преступлениях. В ст.ст. 39 и 41 УК Азербайджанской ССР 1960 года и аналогичных статьях УК других союзных республик в соответствии с Основами уголовного законодательства Союза ССР и

союзных республик предусматривались правила назначения наказания лицам, совершившим после вынесения приговора новое, как прямо говорилось в тексте этих статей, однородное преступление. В связи с последующим изменением, внесенным в эти статьи, указания на однородность деяний были исключены из законодательного текста.

¹⁸ См.: Кудрявцев В., Северин Ю. К понятию однородного преступления.—Сов. юстиция, 1961, № 10, с. 13; Орел Л. Е. О понятии однородного преступления.—Правоведение, 1965, № 3, с. 71—77.

¹⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1962, № 6, с. 14. Указанное постановление в 1969 году утратило силу (см. постановление № 12 Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. «Об отмене и изменении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда СССР по уголовным делам». — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970, № 1, с. 20).

²⁰ См.: Кафаров Т. М. Признаки однородности преступлений.— В кн.: Ученые записки АГУ им. С. М. Кирова, серия юрид. наук, 1968, № 1, с. 80—87.

²¹ См., например: Зелинский А. Повторное совершение преступления как обстоятельство, отягчающее ответственность.—Сов. юстиция, 1972, № 5, с. 7.

²² См.: Зелинский А. Повторное совершение преступления как обстоятельство, отягчающее ответственность, с. 7.

²³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

²⁵ См.: Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права.—М., 1976, с. 150.

²⁶ Обстоятельный анализ понятия «общая повторность» дал В. П. Малков (см.: Малков В. П. Повторность преступлений (понятие и уголовно-правовое значение). Казань, 1970, с. 17—27.

²⁷ Кузнецова Н. Ф. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона.—Соц. законность, 1973, № 9, с. 30.

²⁸ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 195—196.

²⁹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 157, 190.

³⁰ См., например: Яковлев А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву, с. 38—39.

³¹ См., например: Ткешелиадзе Г. Т. Ответственность при совокупности преступлений по советскому уголовному праву.—Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Тбилиси, 1961, с. 10; Дагель П. С. Множественность преступлений. Владивосток, 1969, с. 1.

³² См., например: Галиакбаров Р., Ефимов М., Фролов Е. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права.—Сов. юстиция, 1967, № 2, с. 5; Советское уголовное право. Часть Общая. Свердловск, 1972, с. 201.

³³ Малков В. П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания), с. 12.

³⁴ См., например: Яковлев А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву, с. 5; Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963, с. 287.

³⁵ См., например: Галнакбаров Р., Ефимов М., Фролов Е. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права, с. 5.

³⁶ См.: Малков В. П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания), с. 14—27.

³⁷ См., например: Филимонов В. Д. Ответственность за повторные преступления. — В кн.: Вопросы квалификации советского права. Вып. 3. Л., 1960, с. 58; Яковлев А. М. Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964, с. 7.

³⁸ Кафаров Т. М. Проблема рецидива в советском уголовном праве. Баку, 1972, с. 9—10.

³⁹ См.: Фролов Е. А., Галнакбаров Р. Р. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права, с. 8—10.

⁴⁰ См.: Ткешелиадзе Г. Т. Указ. автореф. дисс., с. 10—11.

⁴¹ См.: Малков В. П. Повторность преступлений (понятие и уголовно-правовое значение), с. 98—99.

⁴² См.: Малков В. П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания), с. 160—165.

⁴³ См.: Малков В. П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания), с. 204—214.

⁴⁴ См.: Кафаров Т. М. Проблема рецидива в советском уголовном праве, с. 37, 59—61.

⁴⁵ См. там же, с. 33—35.

⁴⁶ См.: Горелик И. И. Правовая оценка повторного преступления. — В кн.: Вопросы государства и права. Вып. 1, Минск, 1969, с. 177.

⁴⁷ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 316—318.

⁴⁸ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977, Часть 2, с. 157.

⁴⁹ См. там же, с. 294.

⁵⁰ См. там же, с. 190.

⁵¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 240.

⁵² См.: Словарь синонимов. Изд-е АН СССР. Л., 1976, с. 235, 376.

⁵³ См.: Алиев Н. Б. Повторность и рецидив преступлений по советскому уголовному праву. Махачкала, 1978, с. 26—27.

⁵⁴ Горелик И. И. Ответственность за оставление в опасности по советскому уголовному праву. Минск, Высшая школа, 1964, с. 96—97.

⁵⁵ Некипелов П. Т. Актуальные вопросы уголовно-правовой охраны природных богатств в СССР. — В кн.: Проблемы социалистического законодательства на современном этапе развития Советского государства. Межвузовская научная конференция. Тезисы, доклады. Харьков, 1968, с. 199—200.

⁵⁶ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Азербайджанской ССР. 1961—1975. Баку, 1977, с. 252.

⁵⁷ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 310.

⁵⁸ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 224.

⁵⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1980, № 3, с. 19.

⁶⁰ См., например: Малков В. П. Повторность преступлений (понятие и уголовно-правовое значение), с. 109.

⁶¹ См.: Курс советского уголовного права. Часть Особенная, т. 4; Н. А. Беляев и др. Л., 1978, с. 114.

⁶² См.: Пионтковский А. А. Усиленные роли общественности в борьбе с преступностью и некоторые вопросы советского уголовного права.— Сов. государство и право, 1961, № 4, с. 66; Курляндский В. И. Вопросы основания уголовной ответственности.— В кн.: Вопросы уголовного права. М., 1966, с. 25.

⁶³ См., например: Сидорова В., Семернева Н. Квалификация повторных преступлений.— Сов. юстиция, 1976, № 14, с. 4.

⁶⁴ См.: Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974, с. 18.

⁶⁵ См.: Кузнецова Н. Ф. Освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд. М., 1964, с. 57.

⁶⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1978, № 5, с. 10.

⁶⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1979, № 2, с. 42—43.

⁶⁸ См.: Малков В. П. Квалификация повторных преступлений, совершенных освобожденными от уголовной ответственности.— Сов. юстиция, 1967, № 6, с. 25.

⁶⁹ Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности, с. 203.

⁷⁰ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 196.

⁷¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 157.

⁷² Там же, с. 232.

⁷³ Там же, с. 293.

⁷⁴ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 279.

⁷⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1965, № 11, с. 15.

⁷⁶ См.: Блум М. И. Понятие и признаки совокупности преступлений.— В кн.: Вопросы уголовного права и процесса. Рига, 1969, с. 23—26; Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 311.

⁷⁷ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 196.

⁷⁸ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 293.

⁷⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1981, № 5, с. 9.

⁸⁰ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 310, 311. См. также: Кригер Г. А. Борьба с хищениями социалистического имущества. М., 1965, с. 221.

⁸¹ См.: Борзенков Г. Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации). М., 1971, с. 103—104.

⁸² В ст. 35 Основ говорится о назначении наказания по совокупности преступлений, предусмотренных различными статьями уголовного закона. Такая формулировка неточна, ибо одна статья закона может включить в себя не только нормы, устанавливающие ответственность за различные виды одного и того же преступления, но и нормы, предусматривающие составы разных преступлений (например, чч. 1 и 3 ст. 160-1 УК Азербайджанской ССР). Более правильной, по нашему мнению, является редакция ст. 40 УК Грузинской ССР, согласно которой совокупность преступлений имеет место, когда лицо признано виновным в совершении двух и более

преступлений, предусмотренных различными статьями уголовного закона. Таким образом трактует совокупность преступлений и сложившаяся судебная практика.

⁸³ См.: Тимейко Г. Повторность хищений как квалифицирующий признак.— Сов. юстиция, 1962, № 7, с. 22.

⁸⁴ См.: Владимиров В. А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974, с. 172.

⁸⁵ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 298.

⁸⁶ См.: там же, с. 298.

⁸⁷ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 312.

⁸⁸ См.: Бородин С. В. Квалификация преступлений против жизни. М., 1977, с. 116—117.

⁸⁹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 190.

⁹⁰ См.: там же, с. 191.

⁹¹ См.: там же, с. 196.

⁹² См.: там же, с. 266.

⁹³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 285.

⁹⁴ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977, с. 158. Следует иметь в виду, что согласно разъяснению Пленума совершение любым способом нескольких хищений, образующих в общей сложности хищение в особо крупном размере, надлежит квалифицировать по закону той союзной республики, где совершено последнее хищение (см. там же, с. 158—159).

⁹⁵ См.: Малков В. П. Повторность проступка и уголовная ответственность. Казань, 1968, с. 63, 64.

⁹⁶ См. новую редакцию Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. (Ведомости Верховного Совета СССР, 1981, № 23, ст. 782).

Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1968 г. утратило силу (см.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 7, ст. 116).

⁹⁷ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977 гг. Часть 2, с. 265. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г. исключена уголовная ответственность за повторное мелкое хулиганство.

⁹⁸ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1966, № 6, с. 11. Пункт 8 постановления от 3 декабря 1966 г. утратил силу (см.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 6, с. 26).

⁹⁹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1977, № 7, ст. 116; 1981, № 23, ст. 782.

¹⁰⁰ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 287.

¹⁰¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 190.

¹⁰² См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1971, № 5, с. 13.

¹⁰³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 295.

¹⁰⁴ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 293.

- ¹⁰⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1968, № 11, с. 16.
- ¹⁰⁶ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 157.
- ¹⁰⁷ См.: Магомедов А. М. Вопросы квалификации продолжаемых преступлений.—Вестник МГУ. Серия II. Право, вып. 1, 1978, с. 31.
- ¹⁰⁸ На это обстоятельство обращает внимание и А. М. Магомедов (см.: Магомедов А. М. Вопросы квалификации продолжаемых преступлений. — Вестник МГУ. Серия II. Право, вып. 1, 1978, с. 36).
- ¹⁰⁹ См.: Дурманов Н. Д. Наказуемость хищения государственного и общественного имущества, кражи личного имущества и разбоя по Указу от 4 июня 1947 г.—Соц. законность, 1947, № 10, с. 7.
- ¹¹⁰ См., например: Блум М. И. Понятие длящегося и продолжаемого преступления.—В кн.: Роль правовой науки в совершенствовании практической деятельности государственных органов, хозяйственных и общественных организаций. Тезисы докладов и научных сообщений. Львов, 1967, с. 215—216.
- ¹¹¹ См., например: Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961, с. 633.
- ¹¹² См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. III. М., 1970, с. 160.
- ¹¹³ Lehrbuch des Strafrechts der Deutschen Demokratischen Republik, Allgemeiner Teil, Berlin, 1959, s. 648.
- ¹¹⁴ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 83, 157.
- ¹¹⁵ См., например: Герцензон А. А. Уголовное право. М., 1948, с. 444.
- ¹¹⁶ Такого же мнения придерживается ряд авторов (см., например: Шаргородский М. Д. Вопросы Общей части уголовного права. Л., 1955, с. 236; Стручков Н. А. Назначение наказания при совокупности преступлений, с. 14.).
- ¹¹⁷ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 157.
- ¹¹⁸ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1970, № 1, с. 14.
- ¹¹⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1968, № 2, с. 41.
- ¹²⁰ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 240.
- ¹²¹ См., например: Кливер И. Разграничение продолжаемых и повторных преступлений.—Соц. законность, 1979, № 5, с. 53.
- ¹²² См.: Орымбаев Р. Уголовная ответственность за обман покупателей, совершенный неоднократно.—В кн.: Проблемы государства и права на современном этапе. Вып. III. М., 1971, с. 137—138.
- ¹²³ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 158—159.
- ¹²⁴ Так же решает этот вопрос Г. А. Крингер (см.: Крингер Г. А. Борьба с хищениями социалистического имущества, с. 213).
- ¹²⁵ См.: Тимейко Г. Повторность хищений как квалифицирующий признак, с. 22.
- ¹²⁶ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений, с. 30. (Такой же позиции придерживаются Г. А. Крингер и Г. Н. Борзенков.)

¹²⁷ См., например: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления, с. 286—289; Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву, с. 582—585; Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений, с. 310—315.

¹²⁸ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 190.

¹²⁹ Тишкевич И. С. Приготовление и покушение по уголовному праву. М., 1958, с. 129.

¹³⁰ См., например: Блум М. И. Понятие и признаки совокупности преступлений, с. 26—27.

¹³¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2, с. 196, 190.

¹³² См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления, с. 286, 288—289. Сходную позицию занимал и М. А. Шнейдер (см.: Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1958, с. 76).

¹³³ См.: Уголовное право. Общая часть. М., 1938, с. 319; Утевский Б. С. Соучастие в преступлении. М., 1939, с. 13.

¹³⁴ См.: Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву, с. 583—584.

¹³⁵ Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1968, № 6, с. 14.

¹³⁶ См.: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления, с. 288.

Оглавление

Введение	3
--------------------	---

Глава I

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПОВТОРНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Единичное (единое, отдельное) преступление как структурный элемент повторности преступлений	5
§ 2. Понятие повторности преступлений и ее место в структуре множественности уголовно наказуемых деяний	16
§ 3. Неоднократность, систематичность преступлений и совершение преступлений в виде промысла как разновидности повторности	31

Глава II

КВАЛИФИКАЦИЯ ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

§ 1. Обстоятельства, исключающие квалификацию вновь совершенных деяний по признаку повторности	42
§ 2. Квалификация преступлений по признаку повторности	50
§ 3. Разграничение повторности и продолжаемых преступлений в процессе квалификации преступных деяний	78
§ 4. Применение норм о предварительной преступной деятельности и о соучастии при квалификации повторных преступлений	87
Примечания	95

Караев Т. Э.

К21 Повторность преступлений.— М.: Юрид. лит., 1983,— 104 с.

В книге раскрыто содержание понятия повторности преступлений, показано его место в структуре множественности уголовно наказуемых деяний. В отличие от прежних публикаций в данной работе подробно рассматриваются разновидности повторности: неоднократность, систематичность и совершение деяний в виде промысла, подчеркивается важность их разграничения для правильной квалификации преступлений.

Для научных работников, аспирантов и преподавателей юридических вузов, может быть рекомендована прокурорам, следователям и судьям.

К 1203100000-049
012(01)-83 КБ25-6-82

67.99(2)8

ТАМЕРЛАН ЭЛЬМАР ОГЛЫ КАРАЕВ

ПОВТОРНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Редактор Е. А. Лопатина

Обложка художника В. Г. Штанько

Художественный редактор Е. П. Суматохин

Технический редактор А. А. Арсланова

Корректоры В. Д. Рыбакова, И. Ф. Шухова

ИБ № 1320

Сдано в набор 18.05.82. Подписано в печать 17.08.82. А-07497.
84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура литератур-
ная высокая. Объем: усл. печ. л. 5,46; усл. кр.-отт. 5,67; :
л. 5,86. Тираж 7000 экз. Заказ № 4071. Цена 75 коп.

Издательство «Юридическая литература», 121069, Москва, Г-69,
чалова, д. 14.

Областная типография управления издательств, полиграфии и
торговли Ивановского облисполкома, 153628, г. Иваново, ул. Т
ская, 6.